

INSPIRIA

Луиза Эрдрич

НОЧНОЙ СТОРОЖ

INSPIRIA

Луиза Эрдрич

Ночной сторож

Серия «Loft. Букеровская коллекция»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68321549
Ночной сторож: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-174246-1

Аннотация

В основе книги – подлинная история жизни и борьбы деда Луизы Эрдрич. 1953 год. Томас работает сторожем на заводе недалеко от резервации племен. Как председатель Совета индейцев он пытается остановить принятие нового законопроекта, который уже рассматривают в Конгрессе Соединенных Штатов. Если закон будет принят – племя Черепашьей горы прекратит существование и потеряет свои земли.

Содержание

Сентябрь 1953 года	8
Хлеб со смальцем	11
Сторож	23
Кожаная палатка	31
Трое	34
Тренер по боксу	43
Ноко	55
Жидкая грязь	62
Сын Джагги	75
Дни святой Валентайн	87
Пукконы	95
Духи	100
Утюг	107
Ящик из-под фруктов	114
Место в поезде	120
Билль	127
Кто?	131
Индийская шутка	134
Кто?	137
Флаги	138
«Лесной затор 26»	140
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Луиза Эрдрич

Ночной сторож

Louise Erdrich

THE NIGHT WATCHMAN

Copyright © 2020, Louise Erdrich

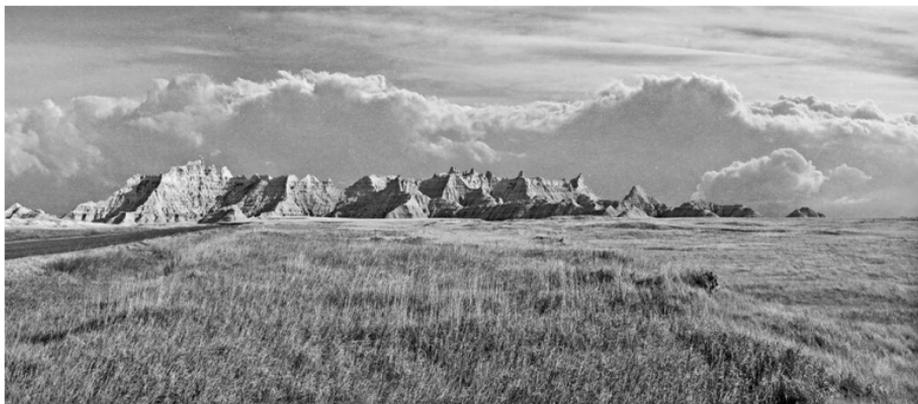
All rights reserved

© 2020, Louise Erdrich All rights reserved

© Тарасов М., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Луиза Эрдрич

Ночной сторож

INSPIRIA

Москва

2022

*Посвящается Аунишенаубаю,
он же Патрик Гурно,
его дочери Рите, моей матери,
и всем лидерам американских индейцев,
боровшимся против прекращения
действия договоров.*

Первого августа 1953 года конгресс Соединенных Штатов Америки объявил о принятии Параллельной Резолюции¹ номер 108, предписывающей отмену межнациональных договоров, которые были заключены с народами американских индейцев и имели силу до тех пор, «пока растет трава и текут реки». Резолюция содержала призыв к окончательному прекращению деятельности всех племен и немедленному прекращению деятельности пяти племен, включая племенную группу чиппева с Черепашьих гор.

Мой дед, Патрик Гурно, боролся против прекращения действия договоров как председатель совета племени, в то же время работая ночным сторожем. Он почти не спал, как и мой персонаж, Томас Важашик. Эта книга – вымысел. Однако я старалась правдиво рассказать о необыкновенной жизни моего деда. И если что-то не удалось, то только по моей вине. Кроме Томаса, сторожа на Заводе Черепашьей горы по производству драгоценных подшипников, единствен-

¹ Параллельная резолюция принимается отдельно обеими палатами конгресса, не имеет силы закона и не требует подписи президента; обычно касается порядка работы конгресса. – Здесь и далее прим. перев.

ный другой главный персонаж, списанный с реально существовавшего лица, – сенатор Артур В. Уоткинс², неустанный сторонник лишения коренных народов их земель и человек, допрашивавший моего деда.

Пикси, или – извините меня – Патрис, – персонаж полностью вымышленный.

² Артур Вивиан Уоткинс (1886–1973) – сенатор-республиканец от штата Юта с 1947 по 1959 год.

Сентябрь 1953 года

Завод Черепашьей горы по производству драгоценных подшипников

Томас Важашк вытащил зажатый под мышкой термос и поставил на стальной стол рядом со своим потертым портфелем. Его рабочая куртка упала на стул, коробка с завтраком – на холодный подоконник. Когда он снял утепленную шапку, из ее отворота выпало маленькое кислое яблоко-дичок. Подарок дочери Фи. Он подхватил яблоко и положил на рабочий стол, желая полюбоваться, а затем пробил свою карточку табельного учета³. Полночь. Он взял связку ключей, фирменный фонарик и обошел главный этаж по периметру.

В этом тихом, всегда спокойном месте женщины Черепашьей горы проводили дни, склонившись в резком свете настольных ламп. Работницы наклеивали сверхтонкие пластинки рубина, сапфира или менее драгоценного камня граната на тонкие вертикальные шпиндели, готовя камни к сверлению. Подшипники будут использоваться в боепри-

³ Карточка табельного учета – карточка, на которой отмечается время, проведенное работником на рабочем месте или затраченное на выполнение определенной работы; используется для расчета заработной платы, отслеживания прогулов и опозданий и т. д. (*Здесь и далее – прим. переводчика.*)

пасах Министерства обороны и в часах «Булова»⁴. Это был первый случай, когда рядом с резервацией появились рабочие места на производстве, и женщины заняли большинство из этих желанных мест. Они набрали гораздо больше баллов по тестам на проворство рук.

Правительство приписывало их способности индейской крови и сноровке по части традиционного бисероплетения. Томас считал, что дело в острых глазах – женщины его племени могли пронзить взглядом. Ему повезло, что он получил работу. Он слыл умным и честным, но уже не был молодым и поджарым. Он получил место, ибо на него можно было положиться, и он изо всех сил старался исполнять служебные обязанности так идеально, как только мог. Осмотр помещений он проводил с суровой тщательностью.

Продвигаясь вперед, он осмотрел сверлильный цех, проверил каждый замок, включил и выключил свет. В какой-то момент, чтобы разогнать кровь, он исполнил короткий причудливый танец, а затем перешел на джигу Ред-Ривер⁵. Освеженный, он прошел через усиленные двери помещения

⁴ «Булова» – американская компания – производитель часов и изделий точной механики. Штаб-квартира находится в Нью-Йорке. Была основана выходцем из Богемии Джозефом Булова (1851–1936) и зарегистрирована в 1875 году.

⁵ Ред-Ривер («Красная река») протекает на севере США и в Канаде, начинаясь в Северной Дакоте и образуя на большей части своей длины границу между Северной Дакотой и Миннесотой. Одноименная джига широко распространена как танец (и сопровождающая его мелодия) канадских метисов, а также коренных народов, обитающих на ее берегах.

для кислотной мойки с рядами пронумерованных мензурок, шкалой давления, шлангом, раковиной и установками для промывки деталей. Он проверил кабинеты, отделанные зеленым и белым кафелем туалеты, а затем вернулся в механический цех. Его стол был залит светом лампы, которую он некогда «спас», починив для себя, и теперь мог читать, писать, размышлять да время от времени шлепать себя по лицу, чтобы не уснуть.

Томас носил имя «ондатра», по-индейски *важашик* – скромного, трудолюбивого, любящего воду грызуна. Ондатры жили повсюду в их резервации, усеянной болотами и озерами. Эти маленькие гибкие животные деловито скользили по воде в сумерках, постоянно совершенствуя норы и поедая (а они очень любили поесть) практически все, что росло или двигалось в болоте. Они были многочисленны и, хотя не отличались ничем особенным, когда-то сыграли важную роль. В начале времен, после Великого потопа, именно ондатра помогла преобразить землю.

Таким образом, как оказалось, Томас получил при рождении идеальное имя.

Хлеб со смальцем

Пикси Паранто нанесла клей на заготовку из драгоценного камня и прикрепила ее к блоку для сверления. Она взяла приготовленный драгоценный камень и положила его в крошечную прорезь на сверлильной карте. Она все делала идеально, когда приходила в ярость. Ее глаза фокусировались, мысли сужались, дыхание замедлялось. Прозвище Пикси⁶ прилипло к ней с детства – из-за ее раскосых глаз. С тех пор как она окончила среднюю школу, она пыталась приучить окружающих называть ее Патрис. Не Патси, не Патти, не Пат⁷. Но, увы, даже лучшая подруга отказывалась называть ее Патрис. И эта лучшая подруга сидела рядом, тоже раскладывая заготовки для подшипников бесконечными крошечными рядами. Не такая быстрая, как Патрис, но все-таки вторая по скорости из всех работающих здесь девушек и женщин. В большом зале было тихо, если не считать жужжания светильников. Сердцебиение Патрис замедлилось. Нет, она не была Пикси, хотя ее фигурка была маленькой, и люди говорили ей вслед *вавияжинаагози*, что с ненавистью переводилось ею как «она выглядит мило». Патрис не была милой. У Патрис была работа. Патрис была выше таких мелких ин-

⁶ Эльф (англ.).

⁷ Патси – простофиля (англ.), Патти – пирожок (англ.), Пат – кусочек (англ.).

цидентов, как происшествие с Баки Дювалем и его друзьями, которые раз подвезли ее в никуда, рассказывая потом людям, будто она была готова сделать то, чего не делала. И никогда не станет делать. Только посмотрите на Баки сейчас. Не то чтобы она была виновата в том, что случилось с его лицом. Патрис такими вещами не занималась. Патрис также была выше того, чтобы обнаружить на блузке, которую оставила сушиться на кухне, коричневую от желчи рвоту отца после его долгого запоя. Он был дома, рычал, плевался, приставал, плакал, угрожал ее младшему брату Поки и умолял Пикси дать доллар, нет, четвертак, нет, десять центов. Ну, хотя бы крошечный десятицентовик. Он пытался сжать пальцы в щепоть, но те не сходились вместе. Нет, она не была той Пикси, которая спрятала нож и помогла матери оттащить отца на раскладушку в шалаш, где он будет спать, пока алкоголь не выветрится.

В то утро Патрис надела старую блузку, вышла на большую дорогу и впервые поехала на автомобиле с Дорис Лаудер и Валентайн Блу. У ее лучшей подруги было самое поэтичное имя, но даже она не называла ее Патрис. В машине Валентайн устроилась спереди. Она спросила:

– Пикси, как там, на заднем сиденье? Надеюсь, тебе удобно?

– Патрис, – поправила ее Патрис.

Валентайн промолчала.

Валентайн! Она болтала с Дорис Лаудер о том, как при-

готовить торт с кокосовой стружкой. Кокос. Была ли где-нибудь кокосовая плантация на тысячу квадратных миль вокруг? Валентайн. В восхитительной оранжево-золотой юбке-солнце. Красивая, как закат. Даже не обернулась. Разминая руки в новых перчатках, чтобы Патрис могла видеть и восхищаться ими, пусть и с заднего сиденья. А потом они с Дорис обменялись советами о том, как вывести пятно от красного вина с салфетки. Как будто у Валентайн когда-нибудь была салфетка. И разве не пила она красное вино только в кустах? А теперь обращается с Патрис так, будто она ее даже не знает. А все потому, что Дорис Лаудер была белой девушкой, новичком на заводе и секретаршей, к тому же едущей на работу на семейной машине. И Дорис вызвалась подвезти Валентайн, после чего та предложила:

– Моей подруге Пикси с нами по пути, и если ты...

И включила ее, как и должна была сделать лучшая подруга, в число избранных, но затем игнорировала и отказывалась называть ее настоящим именем, тем самым именем, которое было дано ей при крещении, именем, под которым она – может, неловко было произнести это вслух, но Патрис все равно так думала – она прославится в этом мире.

Мистер Уолтер Волд прошел вдоль шеренги женщин, заложив руки за спину и украдкой наблюдая за их работой. Каждый несколько часов он выходил из своего кабинета, чтобы осмотреть каждое рабочее место. Он не был старым, но ноги у него были тонкие и скрипучие. Его колени вздраги-

вали каждый раз, когда он делал шаг. Сегодня раздавался неровный скребущий звук. Вероятно, в этом были виноваты его новые черные брюки, сшитые из блестящей жесткой ткани. Послышался скрип подошвы по полу. Он остановился позади Патрис. В его руке было увеличительное стекло. Он прикоснулся квадратным потным подбородком к ее плечу и выдохнул. Повеяло несвежим запахом кофе. Ее пальцы не дрогнули, она продолжала работать.

– Отличная работа, Патрис.

Нет, вы видели? Ха!

Он продолжил обход. Скрип-скрип. Но Патрис не повернулась и не подмигнула Валентайн. Патрис не злорадствовала. Она чувствовала, что у нее начинаются месячные, и была рада, что вовремя прикрепила к трусам чистую, сложенную в несколько слоев тряпку. Даже так. Да, даже так.

В полдень женщины и несколько мужчин, тоже работавших на заводе, вошли в небольшую комнату, задуманную как столовая. При ней имелась полностью оборудованная кухня, но поваров для приготовления обеда не наняли, а потому женщины сели, намереваясь перекусить снедью, принесенной с собой. У некоторых были ланч-боксы, другие принесли ведерки со смальцем. Третьи просто взяли с собою тарелки, завернутые в мешковину. Съестным делились. У Патрис было латунное ведерко для сбора кленового сока, желтое, с глубокими царапинами, полное сырого теста. Именно

так. Утром, потрясенная бредом отца, она схватила ведро и выскочила из дома, забыв, что приготовила тесто, из которого собиралась испечь на завтрак индейские хлебцы на материнской сковороде. Она так и не позавтракала. Последние два часа она втягивала живот, пытаясь подавить урчание в желудке. Валентайн, конечно, заметила. Но сейчас она разговаривала с Дорис. Патрис отщипнула кусочек теста и съела. Неплохо на вкус. Валентайн заглянула в ведро Патрис, увидела тесто и рассмеялась.

– Я забыла испечь хлебцы, – призналась Патрис.

Валентайн с жалостью посмотрела на нее, но другая работница, замужняя женщина по имени Сейнт Энн, рассмеялась, услышав, что сказала Патрис. По комнате пронесся слух, что в ведре Патрис принесла тесто. Что она забыла его поджарить. Патрис и Валентайн были самыми молодыми девушками, работавшими в цеху, их наняли, едва они окончили среднюю школу. Девятнадцать лет. Сейнт Энн подтолкнула намазанную маслом булочку сидящей на другой стороне стола Патрис. Кто-то передал овсяное печенье. Дорис отдала половину сэндвича с беконом. Случившееся с Патрис обернулось шуткой. Патрис собиралась рассмеяться и пошутить снова.

– Все, что у тебя когда-либо было, – это хлеб со смальцем, – опередила ее Валентайн.

Патрис закрыла рот. Все хранили молчание. Валентайн имела в виду, что хлеб со смальцем – еда бедных людей. Но

все ели хлеб, намазанный смальцем с солью и перцем.

– Звучит неплохо. У кого-нибудь есть кусочек? – попросила Дорис. – Отломите-ка мне немного.

– Вот, возьми, – отозвалась Кудряшка Джей, получившая еще в детстве это прозвище за вьющиеся локоны. Имя прижилось, хотя теперь ее волосы были совершенно прямыми.

Все посмотрели на Дорис, когда она пробовала хлеб со смальцем.

– Не так уж и плохо, – произнесла она.

Патрис с жалостью посмотрела на Валентайн. Или это сделала Пикси? В любом случае время обеда закончилось, и теперь ее желудок не будет урчать весь день. Она громко поблагодарила собравшихся за столом и пошла в туалет. Там было две кабинки. Вторую заняла Валентайн. Патрис узнала ее коричневые туфли с закрашенными потертостями. У них обеих только что начались месячные.

– О нет, – произнесла Валентайн из-за перегородки. – Дело дрянь.

Патрис открыла сумочку, попыталась собраться с мыслями, затем протянула одну из своих сложенных тряпочек под деревянную перегородку. Она была чистой, отбеленной. Валентайн взяла ее.

– Спасибо.

– Спасибо кому?

Пауза.

– Большое спасибо, черт тебя побери, Патрис. – Затем раз-

дался смех: – Ты спасла мою задницу.

– Спасла твою тощую задницу.

Новый смешок.

– Твоя задница более тощая.

Присев на корточки на унитазе, Патрис прикрепил новую прокладку. Использованную она завернула в туалетную бумагу, а затем в кусок газеты, который специально припасла для этой цели. Она выскользнула из кабинки вслед за Валентайн и засунула сверток поглубже в мусорное ведро. Потом она вымыла руки с мыльным порошком, поправила подмышечники⁸, пригладила волосы и снова накрасила губы. Когда Патрис вышла, почти все уже были заняты работой. Она торопливо надела халат и включила лампу.

К середине дня ее плечи начали гореть. Пальцы свело судорогой, а тощая задница онемела. Бригадир время от времени напоминали женщинам, что нужно встать, потянуться и сфокусировать взгляд на дальней стене. Затем закатить глаза. Снова сосредоточиться на стене. Как только глаза немного отдохнут, следовало приниматься за руки, сгибая и разгибая пальцы, разминая распухшие суставы. Затем все возвращались к медленному, спокойному, гипнотизирующему труду. Боль неумолимо возвращалась. Но вот, как спасение, настало время пятнадцатиминутного перерыва, на который работницы уходили ряд за рядом, чтобы все мог-

⁸ Подмышечник – кусок водонепроницаемого материала, закрепленный в подмышке платья, чтобы защитить его от пота.

ли воспользоваться туалетом. Несколько женщин отправились в столовую покурить. Дорис принесла кофейник с драгоценным кофе. Патрис пила свою порцию стоя, держа блюдо на весу. Когда она снова села, то почувствовала себя лучше и погрузилась в транс, вызванный концентрацией внимания. Это гипнотическое состояние сможет поддерживать ее час, а то и два, пока у нее не заболят плечи или спина. Это напоминало Патрис о том, что она чувствовала, занимаясь вместе с матерью бисероплетением. Оно погружало их обоих в состояние спокойной сосредоточенности. Они лениво перешептывались друг с другом, пока подбирали бусины и поддевали их кончиками иглол. На подшипниковом заводе женщины тоже переговаривались дремотным шепотом.

– Прошу вас, леди.

Мистер Волд запрещал разговоры. И все же они шушукались. Позже они с трудом вспоминали, о чем беседовали друг с другом весь день. Ближе к концу дня Джойс Асигинак вынесла новые заготовки для резки на пластины, и процесс продолжился.

Дорис Лаудер повезла их домой. И на этот раз Валентайн обернулась, чтобы вовлечь Патрис в разговор, что было уже хорошо, так как Пикси требовалось отвлечься от мыслей об отце. Он все еще дома? У родителей Дорис была ферма на территории резервации. Они купили землю у банка еще в 1910 году, когда земля индейцев оказалась единственным,

что они могли продать. Продай или умри. Землю повсюду рекламировали как дешевый товар. В резервации имелось всего несколько хороших участков, которые можно было использовать в качестве сельскохозяйственных угодий, и они принадлежали Лаудерам. На их земле стояла высокая серебристая силосная башня, которая торчала перед глазами всю дорогу, если ехать из поселка. Дорис высадила Патрис первой, даже предложила подвезти ее к дому по извилистой дорожке, но Патрис отказалась, поблагодарив. Она не хотела, чтобы Дорис увидела груды хлама и покореженный дверной проем. Отец, заслышав шум машины, вывалится из него и начнет донимать Дорис, чтобы она подвезла его до поселка.

Патрис прошла по заросшей травой дорожке и остановилась среди деревьев, высматривая отца. Шалаш был пуст. Она тихо прошла мимо и помедлила, прежде чем войти в дом – простую коробку из шестов, обмазанную глиной, без всяких удобств, низкую и скособочившуюся. Почему-то ее семья так и не попала в список на получение племенного жилья. Печь разожгли, мать Патрис кипятила воду для чая. Кроме родителей в доме жил ее брат Поки, тощий подросток. Сестра Вера подала заявление в Бюро по переезду и трудоустройству и уехала в Миннеаполис с мужем. У них было немного денег, чтобы обустроить новое жилье и окончить курсы профессионального обучения. Многие возвращались в течение года. О некоторых больше никто никогда не слы-

шал.

Смех Веры был громким и веселым. Патрис скучала по ее способности все разом изменять – разрушать напряжение, царящее в доме, освещать мрак. Вера смеялась над всем: над помойным ведром, куда они мочились зимними ночами, над тем, как мать ругала их за то, что они переступали через вещи отца или брата вопреки обычаям, или над тем, что они пытались готовить, когда у них были месячные. Она даже посмеялась над их отцом, когда он вернулся домой *шквебши*. Бесится, как чертов вареный петух, сказала Вера.

Теперь он дома, а Вера – нет, и некому указать на его сползающие с ягодиц штаны без пояса или растрепанные волосы. Как не хватает Веры, чтобы зажать нос и сверкнуть глазами! Бессмысленно притворяться, будто при виде отца она не испытывает отчаянный стыд. Или защищаться от него. А все остальное? Земляной пол вспучивается под тонким слоем линолеума. Патрис принесла из-за свисающего с потолка одеяла, служащего перегородкой, чашку чая и легла на кровать, которую с рождения делила с сестрой. Рядом с кроватью есть окно, что хорошо весной и осенью, когда так приятно смотреть сквозь него на лес, и ужасно зимой и летом, когда от него либо веет холодом, либо через него летят сводящие с ума мухи и комары.

Она услышала разговор отца с матерью. Он умолял ее о чем-то, но все еще был чересчур слаб, чтобы по-настоящему злиться.

– Всего одну-две монетки, – донеслось до нее. – Один доллар, милое личико, и я уйду. Меня здесь не будет. Я оставлю тебя в покое. Сможешь побыть наедине с собой без меня. Ты же сама сказала, что этого хочешь. Я стану держаться подальше. Тебе не придется меня терпеть.

Он продолжал и продолжал в том же духе, пока Патрис потягивала чай и смотрела, как на березе желтеют листья. Сделав последний глоток, слегка подслащенный сахаром, она поставила чашку, переделалась в джинсы, стоптанные туфли и клетчатую блузку, заколола волосы и вышла из-за одеяла. Она проигнорировала отца – худые голени, туфли не по размеру – и указала матери на сырое тесто в своем ведерке для обеда.

– Оно все еще хорошее, – сказала мать, изогнув губы в легкой улыбке.

Она вынула тесто из ведерка и одним плавным движением выложила на сковороду. Иногда то, что делала мать, повторяя изо дня в день, казалось похожим на фокусы.

– Пикси, о, Пикси, моя маленькая куколка? – издал громкий вопль отец.

Патрис вышла на улицу, подошла к поленнице, вытащила из пня топор и разрубила полено. Затем она какое-то время колола дрова. Она даже отнесла их к дому и сложила рядом с дверью. Эта часть работы была обязанностью Поки, но после школы он теперь учился боксировать. Поэтому она продолжала заниматься дровами. Когда отец был дома, ей тре-

бовалось делать что-то важное. Да, она была маленькой, но от природы сильной. Ей нравилась дрожь ударяющего по дереву металла, передающаяся ее рукам. К тому же, когда она размахивала топором, к ней приходили разные мысли. Она представляла, что сделала бы в той или иной ситуации. Как стала бы себя вести. Как сделала бы людей своими друзьями. И она не просто складывала дрова, она складывала их в определенном порядке. Поки дразнил сестру из-за ее затайливых поленниц. Но он равнялся на нее. Она была в семье первым человеком, у которого появилась работа. Не ловля пушного зверя силками, не охота или сбор ягод, а настоящая работа, как у белых людей. В соседнем поселке. Мать ничего не сказала, но намекнула, что благодарна. У Поки в этом году появились школьные туфли. У Веры – клетчатое платье, перманент для домашней завивки «Тони» и белые сандалии с ремешком вокруг щиколотки – для Миннеаполиса. И Патрис откладывала понемногу от каждой зарплаты, чтобы съездить за Верой, которая, возможно, пропала.

Сторож

Время писать. Томас встал, сделал дыхательные упражнения по методу Палмера⁹, которым научился в школе-интернате, и снял колпачок с ручки. У него был новый блокнот из магазина, окрашенный в спокойный бледно-зеленый цвет. Его рука была твердой. Он начинал с официальной переписки и в конце баловал себя письмами к сыну Арчи и дочери Рэй. Он хотел бы написать самому старшему, Лоуренсу, но у него еще не было адреса. Сначала Томас написал сенатору Милтону Р. Янгу¹⁰, поздравив его с отлично проделанной работой по обеспечению электричеством сельских районов Северной Дакоты, и попросил о встрече. Затем он написал окружному комиссару, поздравив его с ремонтом гудронированной дороги, и тоже попросил о встрече. Потом он написал своему другу, газетному обозревателю Бобу Кори, и предложил ему встретиться и провести экскурсию по резервации. Он подробно ответил нескольким людям, которые написали на адрес племени из любопытства.

⁹ Остин Норман Палмер (1860–1927) – создатель стиля американского письма, автор учебника «Метод делового письма Палмера» (1901). Предложил простую, разборчивую и быструю форму письма; отказался от нажима и упростил форму букв.

¹⁰ Милтон Рубен Янг (1897–1983) – американский политик, представлявший Северную Дакоту в сенате США с 1945 по 1981 год.

После того как с официальными письмами было покончено, Томас перешел к поздравительной открытке и письму Рэе: приближался день рождения дочери. *Неужели действительно миновал еще один год? Кажется, прошло совсем мало времени с тех пор, как я любовался твоим крошечным личиком и пучком каштановых волос. Я верю, когда ты увидела меня первый раз, ты мне подмигнула, сказав: «Не волнуйся, папа, я на все 100 % стою всех проблем, которые только что доставила маме». Ты оказалась права, и на самом деле мы с мамой сказали бы, что ты был права на все 200 %...* Плавным почерком он быстро заполнил шесть страниц различными мыслями и новостями. Но когда он остановился, чтобы перечитать написанное, то не смог вспомнить, писал ли он это, хотя почерк был безупречен. Какая досада! Томас постучал ручкой по голове. Он писал во сне. Сегодняшняя ночь была хуже, чем большинство ночей. Он не мог вспомнить прочитанного. Это продолжалось попеременно: он то писал, то читал, забывал, что написал, а потом забывал то, что прочел, потом писал снова и снова. Он отказывался останавливаться, но постепенно ему стало не по себе. У него возникло ощущение, что в темных углах комнаты кто-то есть. Кто-то наблюдает. Он медленно отложил ручку, а затем повернулся в кресле и оглянулся через плечо на замершее оборудование.

Взъерошенный маленький мальчик сидел на ленточной пиле. Томас тряхнул головой, моргнул, но мальчик остал-

ся на прежнем месте, его темные волосы торчали колючими прядками. На нем были те же желто-коричневые парусиновые жилет и брюки, что и на Томасе, когда он учился в третьем классе государственной школы-интерната в Форт-Тоттене. Мальчик был на кого-то похож. Томас пристально смотрел на малыша с торчащими волосами, пока тот не превратился снова в мотор.

– Мне нужно освежиться, – пробормотал Томас.

Он прошел в туалет, сунул голову под кран с холодной водой и умылся.

Затем снова пробил карточку табельного учета и отправился на второй обход. На этот раз он шагал медленно, едва продвигаясь вперед, словно идя против сильного ветра. Ноги едва волочились, но разум прояснился, как только он вернулся к столу.

Томас подтянул брюки, чтобы сохранить на них стрелки, и сел. Роуз также заутюжила складки на рукавах его рубашки. Она использовала крахмал. Даже в тускло-зеленой рабочей одежде он выглядел солидно. Его воротник никогда не топорщился. Ему захотелось плюхнуться в кресло. Оно было мягким, удобным. Слишком удобным. Томас открыл термос. Тот был первоклассным, фирмы «Стэнли», подарок от старших дочерей. Они вручили ему термос, желая отпраздновать его назначение на оплачиваемую должность. Он налил немного черного кофе в стальную крышку, которая служила еще и стаканчиком. Теплый металл, плавные выступы,

скругленное женственное основание – его было приятно держать в руках. Томас позволял векам долго и роскошно трепетать каждый раз, когда делал глоток. На этот раз он чуть не соскользнул с края кресла. Резко проснулся. Яростно приказал остаткам кофе в стаканчике проделать свою работу.

Во время смены он часто разговаривал с вещами, которые его окружали.

Томас открыл свой ланч-бокс. Он всегда обещал себе есть немного, чтобы не засыпать, но усилие, требовавшееся, чтобы не погрузиться в сон, вызывало у него голод. Пережевывание еды мгновенно заставило его воспрянуть духом. Он съел кусок холодной оленины, положенный между двумя ломтями дрожжевого хлеба, который особенно хорошо удавался Роуз. Гигантскую морковь, которую сам вырастил. Кислое маленькое яблоко взбодрило его. Небольшой кусочек плавленого сыра и булочку, пропитанную вареньем, он приберег на утро.

Обильность сэндвича с олениной напомнила ему о жалких ниточках мяса между тонкими лепешками, которые они с отцом ели в особенно тяжелый год по дороге в Форт-Тоттен. В его жизни были периоды голода, которые он никогда не забудет. Как восхитительны были эти жесткие нити мяса, содранные с костей оленя. Как он набросился на эту еду, рыдая от голода. Несравнимо лучше, чем сэндвич, который он жевал сейчас. Он доел его, смахнул крошки на ладонь и бросил их в рот – привычка, оставшаяся с тяжелых времен.

Один из его учителей в Форт-Тоттене был фанатиком палмеровского метода чистописания. Томас час за часом рисовал идеальные круги, писал слева направо, а затем наоборот, развивая нужные мышцы рук и усваивая правильное положение тела. И, конечно, дыхательные упражнения. Все это стало теперь его второй натурой. Заглавные буквы доставляли особенное удовольствие. Он часто придумывал предложения, которые начинались с его любимых заглавных букв. *R* и *Q* были его искусством. Он писал и писал, гипнотизируя себя, пока, наконец, не потерял сознание. Он очнулся, пуская слюни на сжатый кулак. Как раз вовремя, чтобы пробить время на карточке и сделать свой последний обход. Прежде чем взять фонарик, он надел куртку и достал из портфеля сигару. Он развернул сигару, вдохнул ее аромат и сунул в карман рубашки. В конце последнего обхода он выкурит ее на улице.

Это был самый темный час. Ночь казалась крошечным мраком за пределами луча его фонарика. Он выключил его один раз, чтобы прислушаться к характерным для здания потрескиваниям и постукиваниям. Воцарилась необычная тишина. Ночь стояла безветренная, какая редко выдается на здешних равнинах. Сразу за служебным входом он закурил сигару. Иногда он курил за своим столом, но любил выходить на свежий воздух, чтобы прояснилось в голове. Проверив сначала, при себе ли у него ключи, Томас вышел на улицу и сделал несколько шагов. Сверчки все еще пели в траве,

и этот звук будоражил его сердце. Это было время года, когда они с Роуз впервые встретились. Теперь Томас стоял на бетонной плите за пределами круга света от прожектора. Он посмотрел на безоблачное небо и холодные россыпи звезд.

Наблюдая за ночным небом, он был Томасом, который узнал много нового о звездах в школе-интернате. А еще он был Важашком, который узнал о звездах от своего деда, первого Важашка. Поэтому осенние звезды Пегаса были частью созвездия *Муза* его деда. Томас медленно затянулся сигарой. Выпустил дым вверх, как молитву. *Буганогийжик*, дыра в небе, через которую с грохотом прилетел в этот мир Творец, светясь и подмигивая. Ему хотелось поскорее увидеть *Икве Ананг*, женщину-звезду. Она начинала подниматься над горизонтом, как дуновение ветерка, и ее сияние все усиливалось. Икве Ананг сигнализировала о скором конце его нелегкого дежурства. За месяцы, проведенные Томасом в качестве ночного сторожа, он полюбил ее как человека.

Стоило Томасу вернуться в здание завода и сесть, его сонливость как рукой сняло. Он углубился в чтение газет и племенных информационных листов, припасенных на этот случай. Пробежав глазами сообщение о принятии законопроекта, указывающего на то, что конгресс сыт по горло индейцами, он едва сдержал нервную дрожь. Снова. Никакого намека на стратегию. Или на панику, но она придет. Еще кофе, потом небольшой завтрак, и он отключился. К его облегчению, утро выдалось достаточно теплым, чтобы он успел

немного вздремнуть на переднем сиденье своего автомобиля перед первой за день встречей. Его любимый грязно-серый «нэш»¹¹ был подержанным, но все равно Роуз ворчала, что он потратил на него слишком много денег. Она ни за что не призналась бы, как сильно ей нравилось кататься на плюшевом пассажирском сиденье и слушать радио. Имея постоянную работу, он мог регулярно выплачивать кредит. Теперь ему не нужно беспокоиться о том, как погода обойдется с его урожаем. Самое главное, это была машина, которая не могла сломаться и заставить его опоздать на работу. Свою работу он очень хотел сохранить. Кроме того, он планировал когда-нибудь отправиться в путешествие – или, как он в шутку его называл, второй медовый месяц с Роуз, – и пользоваться во время него задними сиденьями, которые, раскладываясь, превращались в кровать.

Томас залез в машину. В бардачке он хранил толстый шерстяной шарф, который наматывал на шею, чтобы голова не падала на грудь и не будила его. Он откинулся на мягкую обивку сиденья и провалился в сон. Томас проснулся в полной боевой готовности, когда Лабатт постучал в его окно, желая убедиться, что с ним все в порядке.

Лабатт был невысоким мужчиной, походившим телосложением на маленького медвежонка. Он взгляделся в Тома-

¹¹ Корпорация «Нэш-Кельвинатор» возникла в результате слияния в 1937 году «Нэш моторс» и «Кельвинатор апплайанс компани». В 1954 году «Нэш-Кельвинатор» приобрела автомобильную компанию «Хадсон мотор» в Детройте, штат Мичиган, и в результате слияния образовалась корпорация «Американ моторс».

са. Его курносый нос прижался к стеклу, оставив на нем запотевший круг. Лабатт был вечерним уборщиком, но часто приходил в дневную смену, чтобы произвести мелкий ремонт. Томас любил наблюдать, как пухлые, крепкие, ловкие руки Лабатта чинят всевозможные механизмы. Когда-то они вместе учились. Томас опустил стекло.

– Опять отсыпаешься после работы?

– Ночка выдалась захватывающая.

– Даже так?

– Мне показалось, будто я видел маленького мальчика, сидящего на ленточной пиле.

Томас, увы, слишком поздно, вспомнил, что Лабатт чрезвычайно суеверен.

– Это был Родерик?

– Кто?

– Родерик, он ходил за мной по пятам.

– Нет, это был просто мотор.

Лабатт нахмурился, не вполне убежденный, и Томас знал, что услышит подробную историю о Родерике, если проявит нерешительность. Поэтому он завел машину и прокричал сквозь рев двигателя, что у него назначена встреча.

Кожаная палатка

Когда-нибудь она купит часы. Патрис жаждала точного способа учета времени, потому что в ее доме времени не существовало. Или, скорей, ей требовалось устройство, которое осуществляло бы «хранение времени», как в школе и на работе. На табуретке возле ее кровати стоял маленький коричневый будильник, но он отставал на пять минут в час. Патрис должна была компенсировать отставание, когда его заводила, и если бы однажды она забыла это сделать, случилась бы катастрофа. Ее работа еще зависела и от того, будут ли ее подвозить каждое утро. Встретят ли Дорис и Валентайн. У ее семьи не было даже старой машины, которую можно было бы починить. Или косматой лошаденки, на которой можно было бы добраться до завода. До шоссе, по которому дважды в день проезжал автобус, было недалеко. Если ее не подвезут, придется шагать тринадцать миль по гравийной дороге. Она не могла заболеть. У нее не было телефона, чтобы кому-нибудь сообщить о болезни. Ее просто уволят. Жизнь вернется обратно к нулю.

Бывали времена, когда Патрис казалось, что она растянута на раме, как кожаная палатка. Тогда она пыталась забыть, как легко способен сорвать ее ветер. Или как легко отец может уничтожить их всех. Чувство, будто она единственный барьер между семьей и катастрофой, не было чем-то новым,

но ее родители зашли чересчур далеко с тех пор, как она начала работать.

Зная, как сильно они нуждаются в заработке Патрис, ее мать, Жаанат, неделями сидела у двери с топором. Пока они не узнавали, где находится отец, всем требовалось быть настороже. В выходные Жаанат менялась на вахте с Патрис. С топором и с керосиновой лампой на столе Патрис читала стихи и журналы. Когда настала очередь Жаанат заступать на дежурство, та мурлыкала себе под нос всевозможные песенки, предназначенные для самых разных ситуаций. Мать тихонько напевала их, постукивая пальцем по столу.

Жаанат была женщиной способной и проницательной. Она отличалась осанистостью, силой и обладала выступающим вперед подбородком. Она была истовой индианкой прежних времен, воспитанной бабушкой и дедушкой, которые говорили только на языке чиппева, с детства обучали ее племенным обычаям и рассказывали поучительные истории. Знания Жаанат считались исключительно важными, и девочку тщательно прятали, чтобы никто не забрал ее в школу-интернат. Она научилась читать и писать в те редкие дни, когда посещала дневную школу при резервации. Она плела корзины и расшивала бисером всевозможные изделия на продажу. Но настоящая работа Жаанат заключалась в том, чтобы передавать соплеменникам свои знания. Люди приезжали издалека, часто становились лагерем вокруг ее дома, чтобы учиться. Когда-то глубокие познания Жаанат были ча-

стью широкой сети возможностей. Их давало множество диких зверей, на которых можно было охотиться, богатый перечень дикорастущих съедобных растений, наличие огорода, где росли бобы и тыквы, а также обилие земли, по которой можно было бродить. Теперь в семье только Патрис выросла, говоря на чиппева, хотя без проблем выучила английский. Она исполняла большинство ритуалов, которым ее научила мать, но также стала католичкой. Патрис знала песни матери, но она была еще и выпускницей, которой доверили произнести прощальную речь, и учитель английского языка подарил ей книгу стихов Эмили Дикинсон¹², где было одно стихотворение об успехе, тесно связанном с неудачей. Она видела, как девушки, вышедшие замуж и родившие детей, становились старухами уже в двадцать. С ними не случалось ничего выдающегося, и всему виной был тяжелый труд. Великие дела были суждены другим. Замужние женщины были потеряны навсегда. *«Сквозь смертной муки заслон... Триумфа ликующий стон»*¹³. Нет, ее жизнь будет не такой.

¹² Эмили Элизабет Дикинсон (1830–1886) – американская поэтесса. Хотя публикации ее стихов вызвали неблагоприятные отзывы критики в конце XIX и начале XX в., в настоящее время Эмили Дикинсон рассматривается критикой как одна из величайших американских поэтесс.

¹³ Приведены строки из стихотворения Э. Дикинсон «Успех» (*пер. В. Марковой*).

Трое

Мозес Монтроуз спокойно сидел за чашкой горького чая. Судья племени был невысоким, худощавым, ухоженным мужчиной, который легко носил груз своих шестидесяти пяти лет. Они с Томасом устроились в своем «конференц-зале», как они в шутку называли кафе «У Генри» – несколько столиков и кухня за проемом в стене. Состояние дел: один сотрудник племенной полиции, работавший на полставки, был на севере на похоронах. Тюрьма находилась на ремонте. Это была небольшая крепкая лачуга, выкрашенная в белый цвет. Дверь в ней вышиб Эдди Минк, который обычно коротал там ночь, распевая песни в припадках пьяной радости. Ему нужно было еще вина, сказал Эдди, поэтому он решил уйти. Они заговорили о новой двери. Как обычно, племя испытывало финансовые трудности.

– Прошлой ночью я произвел арест, – сообщил Мозес. – Запер Джима Дюваля в моей уборной за домом.

– Он снова дрался?

– Еще как. Мы забрали его. Пришлось попросить моего мальчика помочь запихнуть его внутрь.

– Дюваля ждала холодная ночь.

– Он не заметил. Он спал прямо на толчке.

– Нужно найти другой способ, – проворчал Томас.

– На следующий день я надел судейскую мантию и привел

его в свою кухню на суд. Выписал ему штраф и отпустил. У него был только один доллар на уплату штрафа, поэтому я взял доллар и посчитал, что мы в расчете. Потом я весь день чувствовал себя скверно. Не дело отнимать последний кусок у семьи. В конце концов, иду к нему домой и отдаю доллар Леоле. Я должен зарабатывать на жалованье, но не таким же способом.

– Нам нужно опять начать использовать тюрьму.

– Мэри ужасно разозлилась, когда я запер его в нашей уборной. Говорит, чуть не лопнула ночью!

– О, мы не можем позволить Мэри лопнуть. Я разговаривал с суперинтендантом, но тот говорит, с деньгами очень туго.

– Ты имеешь в виду, человек он тугой. В задницу.

Мозес сказал это на языке чиппева – на нем почти все казалось смешнее. Смех улучшил настроение Томаса, и он почувствовал, что кофе тоже пошел ему на пользу.

– Мы должны рассказать о Дювале в информационном листке. Так что припомни подробности.

– В этом месяце мы о нем уже писали.

– Публичный позор больше не работает, – посетовал Томас.

– В его случае так и есть. Но бедная Леола ходит с опущенной головой.

Томас пожал плечами, но большинство членов совета проголосовали за включение информации об арестах

и штрафах за месяц в бюллетень племени. У Мозеса был друг в местном отделении Бюро по делам индейцев в Абердине, штат Южная Дакота, который прислал ему копию предлагаемого законопроекта, имевшего целью «эмансипацию» индейцев. Именно это слово использовалось в газетных статьях. Эмансипация. Томас еще не видел законопроекта. Мозес вручил ему конверт и сказал:

– Они хотят от нас избавиться.

Конверт был не очень тяжелым.

– Избавиться? Я думал, речь идет об эмансипации.

– То же самое, – буркнул Мозес. – Я прочитал все целиком, каждое слово. Они решили от нас избавиться.

* * *

У бензоколонки возле магазина Томаса остановил Эдди Минк. Спутанные пряди его длинных седых волос были заправлены за воротник обвисшей армейской шинели. Его лицо покрывала сеточка вен, нос был бугристым и фиолетовым. Когда-то он был красив и до сих пор носил пожелтевший шелковый шарф, повязанный как аскот¹⁴ у кинозвезды. Он спросил у Томаса, не угостит ли тот его выпивкой.

– Нет, – ответил Томас.

– Я думал, ты снова начал прикладываться к бутылке.

¹⁴ Аскот – широкий мужской шейный платок, завязанный под подбородком.

– Передумал. И ты должен племени новую тюремную дверь.

Эдди сменил тему, спросив, знает ли Томас об эмансипации. Томас сказал «да», но заинтересовала его не эмансипация. Заинтересовало его то, что Эдди услышал о законопроекте раньше всех. Увы, дело обстояло именно так. Когда-то блестящий ум, он все еще был способен откапывать самые свежие новости.

– Я слышал о ней, конечно. Задумано неплохо, – проговорил Эдди. – Слышал, я мог бы продать землю. Все, что у меня есть, – это двадцать акров.

– Но тогда у тебя не будет больницы. Ни клиники, ни школы, ни управляющего, ничего. Негде будет даже голову приклонить.

– Мне ничего не нужно.

– Никаких поставляемых государством товаров.

– Я могу купить себе еду на деньги, вырученные за продажу земли.

– По закону ты больше не будешь индейцем.

– Закон не может вынуть из меня нутро индейца.

– Может, и так. Но как насчет того, что вырученные за землю деньги закончатся? Что тогда?

– Я живу сегодняшним днем.

– Ты как раз из тех индейцев, которых они ищут, – возразил Томас.

– Я пьяница.

– Вот кем мы все станем, если произойдет то, что они задумали.

– Тогда пусть это произойдет!

– Деньги убьют тебя, Эдди.

– Смерть от виски? Да, *нииджи*?

Томас рассмеялся:

– Эта смерть безобразней, чем ты думаешь. И подумай, как планы правительства повлияют на стариков, на всех людей, которые хотят сохранить свою землю. Подумай об этом, *нииджи*.

– Я знаю, что ты прав, – согласился Эдди. – Я просто не хочу принимать твою точку зрения прямо сейчас.

Эдди ушел, продолжая что-то бубнить себе под нос. Он жил один на отцовском участке в маленькой лачуге. Толь кусками свисал с ее крыши и хлопал на ветру. В резервации действовал сухой закон, так что Эдди наполовину ослеп от некачественного контрабандного пойла. Когда Джагги Блу делала вино из черноплодной рябины, она всегда давала Эдди кувшин, чтобы тот не травился низкосортной продукцией бутлегеров. Зимой Томас посылал Уэйда на оставшейся у них лошади посмотреть, не помер ли Эдди, и нарубить для него дров, если он жив. В прежние времена Томас и его друг Арчилл ходили на буш-данс¹⁵ вместе с Эдди, который мог

¹⁵ Буш-данс – стиль танца, завезенный из Австралии. Танцы в основном основаны на традиционных народных танцах Великобритании, Ирландии и Центральной Европы.

играть на скрипке, как ангел или как дьявол, независимо от количества выпитого.

* * *

Большинство людей строили дома недалеко от шоссе, но ферма Ваяшка располагалась в самом конце длинной извилистой подъездной дороги, прямо на травянистом холме. Старый дом был в два этажа высотой, построен из обтесанных вручную дубовых бревен, посеревших от непогоды. Новый дом представлял собой уютный коттедж, возведенный правительством. Дед Ваяшка купил старый дом вместе с участком еще в 1880 году, до того как территория резервации была сокращена. Он смог купить его, потому что земля нуждалась в колодце. Но колодец заслуживает отдельного упоминания. Десять лет назад семья получила право на новый дом от правительства. Он привел их в восторг, когда его привезли на грузовике с огромным прицепом. Зимой Томас, Роуз, ее мать Ноко и множество детей, причем не только их собственных, спали в хорошо утепленном новом доме. Но сегодня было не слишком холодно, и Томас решил отдохнуть в старом жилище. Он припарковал «нэш» и вылез из него, страстно предвкушая момент, когда заберется под тяжелое шерстяное одеяло.

– Ты что, опять захотела от меня улизнуть?!

Роуз и ее мать ссорились, и он подумал о том, чтобы пря-

мо сейчас ускользнуть в старый дом. Но Роуз высунулась из двери и воскликнула:

– Ты уже вернулся домой, муженек!

У нее на губах играла нежная улыбка. Она вернулась в дом, с грохотом хлопнув дверью, но, несмотря на это, Томас понял, что настроение у нее хорошее. Он всегда проверял настроение жены, прежде чем что-либо предпринять. Оно было сродни погоде. Сегодня слегка штормило, но настроение у жены было радостное, светлое, радужное, поэтому он вошел в дверь. Малыши, о которых заботилась Роуз, лепетали что-то в большой кровати. На столе для него были приготовлены две покрытые сахарной глазурью булочки с корицей и миска овсянки. Чьи-то куры все еще неслись, и рядом с Роуз лежало яйцо. Она поджаривала два ломтика хлеба на сале и, когда он сел, бросила их ему на тарелку. Он зачерпнул воды из последнего полного ведра.

– Я принесу воду, когда проснусь, – пообещал он.

– Нам она нужна прямо сейчас.

– Я разбит. Совершенно.

– Тогда я подожду со стиркой.

Это была большая уступка. Роуз пользовалась допотопной стиральной машиной с вращающимися лопастями и любила стирать пораньше, чтобы в полной мере воспользоваться дармовым солнечным теплом. Томас объяснил ее жертву любовью к себе и потому ел с чувством.

– Моя милая, – произнес он.

– Милая то, милая это, – проворчала Роуз.

Он вышел за дверь, прежде чем она успела передумать и затеять стирку немедленно.

Солнце заливало спальный верхний этаж старого дома. Несколько поздних мух бились об оконное стекло или готовились к смерти, кружа на уровне пола. Одеяло сверху было теплым. Томас снял брюки и сложил их вдоль стрелок, чтобы те не помялись. Пару кальсон он держал под подушкой. Томас надел их, повесил рубашку на стул и залез под тяжелое одеяло. Оно было сшито из лоскутов, оставшихся от шерстяных пальто и курток, которые по очереди носили все члены семьи. Здесь было темно-синее пальто его матери, скроенное из шерстяного одеяла и в конечном итоге опять ставшее одеялом. Здесь были клетчатые шерстяные куртки его мальчишков – рваные и поношенные. В этих куртках они носились по полям, катались с обледенелых холмов, боролись с собаками, но оставили их дома, когда взялись за «городскую» работу. Здесь было сине-серое пальто Роуз времен первых дней их брака, теперь совсем тонкое, но все еще сохранившее очертания ее очаровательной фигуры. Он вспомнил, как она пошла от него прочь, затем остановилась, повернулась и улыбнулась, глядя из-под полей темно-синей шляпы, пробуждая в нем чувство любви. Они были так молоды. Всего шестнадцать лет. Сейчас он женат уже тридцать три года. Роуз получила большую часть имевшихся у них пальто и курток

от сестер-бенедиктинок за работу в их благотворительном магазине. Но его собственное двубортное верблюжье пальто было куплено на деньги, которые он заработал на уборке урожая. Старшие мальчики изнашивали его, но у него все еще хранилась подходящая к нему фетровая шляпа. Где же она, эта шляпа? Последний раз ее видели в коробке на двойном комод. Разглядывание остатков пальто, соединенных шерстяными нитями, всегда действовало на него успокаивающе и усыпляло к тому времени, когда он доходил до армейской шинели Фалона. Эта шинель не дала бы ему уснуть, если бы он думал о ней слишком долго.

Последние осознанные мысли Томаса были о старом отцовском пальто, коричневом, умиротворяющем. Вниз по склону, через болото, между голых борозд полей, через березовый, а потом дубовый лес тянулась узкая, поросшая травой дорога, проходящая по его земле и ведущая к дому его отца. Отец был теперь так стар, что спал большую часть дня. Ему было девяносто четыре. Когда Томас думал об отце, покой закрадывался в его сердце и обволакивал его, как солнечный свет.

Тренер по боксу

Самый способный ученик Ллойда Барнса, преподавателя математики, выступал под именем Лесистая Гора. Он окончил школу в прошлом году, но все еще тренировался в спортивном зале, который Барнс оборудовал в гараже общинного центра. Все говорили, что молодой человек прославится, если будет держаться подальше от выпивки. Сам Барнс, крупный мужчина с густыми, похожими на солому светлыми волосами, тренировался вместе со своими учениками, посещающими боксерский клуб. Упражнение, которое они выполняли, называлось «три по три» – скакалка в течение трех минут, отдых, три минуты, отдых и еще три минуты. Барнс организовывал так все упражнения. Он делил их на периоды времени, соответствующие раундам, в течение которых они будут биться. Он сам спарринговал с мальчиками, чтобы на тренировках повышать их мастерство. Барнс научился боксировать в Айове у дяди, Джина Барнса по прозвищу «Музыка», известного необычным поведением на ринге. Барнс никогда не был уверен, получил ли его дядя, дирижер оркестра, прозвище из-за своей повседневной работы, из-за привычки напевать, танцуя перед противником, или потому, что он был отличным боксером, и на спортивных страницах газет неизменно писалось, что такой-то середнячок должен «встретиться лицом к лицу с самим Музыкой». Барнс нико-

гда не заходил так далеко, как его дядя, и после серьезного нокаута решил, что школа подготовки учителей в Мурхеде предназначена как раз для него. Он посещал школу по «Джи-Ай биллю»¹⁶, и те ссуды, которые ему пришлось взять, были немедленно прощены, как только он дал согласие на работу в резервации. Он трижды переезжал с места на место: из Гранд-Портиджа в Ред-Лейк, из Ред-Лейка в Рокки-Бой¹⁷ – и вот уже два года жил в резервации Черепашьей горы. Ему это место нравилось. К тому же он положил глаз на местную девушку и надеялся, что она его заметит.

В прошлые выходные Барнс был в Гранд-Форксе, наблюдая, как Кид Раппато сражается с Северином Бойдом в матче за «Золотые перчатки»¹⁸. Сейчас, прыгая со своими учениками через скакалку, он вспоминал о том, как Бойд и Раппато вышли из своих углов и бросились друг на друга, как кошки. Оба были так быстры, что ни один из них не смог нанести что-либо посерьезней скользящего удара. В течение

¹⁶ Джи-Ай Билль – закон (билль) США, который определял льготы для вернувшихся с фронта участников Второй мировой войны. Срок действия закона истек в 1956 году.

¹⁷ Гранд-Портедж – индейская резервация в округе Кук, штат Миннесота, в северо-восточной части штата. Ред-Лейк – резервация на севере Миннесоты, где проживает индейское племя чиппева. Рокки-Бой – индейская резервация, расположенная на севере центральной части штата Монтана.

¹⁸ «Золотые перчатки» – ежегодный турнир по любительскому боксу, проводимый в США.

пяти раундов ситуация не менялась – ослепительные движения, клинч, шаг в сторону, а затем они снова начинали размахивать перчатками в воздухе. Раппато славился тем, что умел измотать противника, но Бойд держался стойко и даже почти не вспотел. Во время шестого раунда Бойд сделал то, что Барнс счел сомнительной уловкой, но все равно восхитился. Бойд отступил, опустил перчатки, подтянул трусы, бросил на Раппато пустой взгляд, а потом неожиданно нанес дальний удар слева, откинувший голову Раппато назад. Бойд уже давно вел к этому с помощью искусной актерской игры. Ни с того ни с сего терял бдительность. Притворялся, что у него проблемы с трусами. И эти пустые взгляды. Время от времени, как будто на него навели порчу. Они казались безобидной причудой, пока Бойд не провел другой удар левой, на этот раз в корпус, а затем нанес удар правой в голову, который мгновенно послал Раппато в нокдаун, подавил в нем способность к сопротивлению и принес Бойду победу в поединке.

Сидя у ринга, Барнс повернулся к Рейнольдсу Джарвису, учителю английского языка, который также отвечал за постановку школьных спектаклей.

– Нам нужен тренер, владеющий актерским мастерством, – произнес Барнс.

– Вам нужно больше спортивного снаряжения, – возразил Джарвис.

– Сейчас мы собираем деньги на перчатки.

– А малая груша для отработки быстрых ударов? А большая груша?

– Мешковина, опилки. И пара старых покрышек.

– Ладно. Я понял. Актерское мастерство действительно может оказаться полезным.

Многие вещи, включая силу и даже выносливость, можно сфабриковать. Или, что еще более важно, многое можно скрыть. Например, один из самых многообещающих боксеров Барнса, Аджиджаак, был похож на цаплю, в честь которой его назвали. Он походил и на самого Барнса, худой и высокий, такой нервный, что казалось, его била дрожь. Аджиджаак держался с видом кроткого смирения. Но у мальчика были поразительный удар левой и хватка болотной птицы. Кроме него, был Поки Паранто, необузданный талант без огранки. Ревард Стоун-Бой, Калберт Сен-Пьер, Дайси Айнак, Гарнет Фокс и Кейс Аллери – эти ребята делали успехи. Уэйд Важашк все еще уговаривает мать позволить ему боксировать в матче. Он тоже многообещающий парень, хотя и не обладает инстинктом. Думать хорошо, но Уэйд думал дважды, прежде чем ударить. Барнс провел много времени, возя мальчиков на матчи по другим городам – городам за пределами резервации, где толпа разражалась боевыми кличами или насмешками, когда их фаворит проигрывал. Он отвозил мальчиков домой после матчей и тренировок, которые продолжались еще долго после того, как уходил школьный автобус.

Прямо сейчас мальчики поднимали гири, но делали это совершенно неправильно. Барнс заставил их расправить плечи. Ему не нравилось слишком нагружать левую руку, ибо его цель состояла в том, чтобы развить в каждом удар слева, такой же быстрый, как прелюдия к легендарной «симфонии-сюрпризу» знаменитого Музыка, мощному, непредсказуемому шквалу ударов, которые когда-то вынудили Эззарда Чарльза¹⁹ упасть на канаты. Но, конечно, это было до того, как Чарльз стал крутым, а потом вскарабкался на самый верх. Музыка был тонким бойцом, однако, в конце концов, судьба свела его с драчуном, повредившим ему селезенку.

Лесистая Гора некогда посещал занятия по сварке и теперь делал гири для клуба, наполняя жестяные канистры и банки всех размеров песком и сваривая их вместе. Гири получались неодинаковые, поэтому мальчики, желая накачать мускулы, поднимали полуторафунтовые, трехфунтовые, семифунтовые с четвертью, двенадцатифунтовые, восемнадцатифунтовые и двадцатифунтовые гири. Но для лучшего результата Барнс решил поступить по-другому.

– А теперь смотрите, – сказал он.

Он сжал правую руку в кулак и прижал костяшки пальцев к стене.

– Делай как я.

Все мальчики сжали кулаки и сделали то же самое.

¹⁹ Эззард Мак Чарльз, более известный как Эззард Чарльз (1921–1975), – американский боксер-профессионал, чемпион мира в супертяжелом весе.

– Давление, давление, – пояснил Барнс и снова прижал кулак к стене, пока мышцы на предплечье не начали гореть. Прядь волос упала на лоб. – Сильнее... О'кей, отставить, – скомандовал он.

Мальчики отступили, встряхивая руками.

– Теперь левой.

Хитрость заключалась в том, чтобы развить только нужные мышцы, выполняющие удар. Музыка была одержим скоростью и скрытностью. Он научил Барнса ментальным трюкам. Барнс подал сигнал, призывающий к перерыву. Мальчики выстроились в очередь у фарфорового фонтанчика с водой, а затем собрались вокруг тренера.

– Будем отрабатывать скорость, – сообщил Барнс. – Теперь я хочу, чтобы каждый из вас назвал самую быструю вещь, которая придет на ум.

– Молния, – выпалил Дайси.

– Каймановая черепаха²⁰, – вставил Уэйд, которого укусила одна из них.

– Гремучая змея, – подхватил Ревард, чья семья часто ездила в Монтану.

– Чих, – не нашел ничего лучшего Поки, что заставило всех рассмеяться.

– Сильный чих, – пришел на выручку Барнс, – похожий на взрыв! Вот каким ты хочешь видеть свой удар. Без предупре-

²⁰ Каймановая черепаха – большая американская пресноводная черепаха с длинной шеей и сильными челюстями.

ждения. А теперь представьте, каждый из вас, самую быструю вещь, которую вы никогда не видели. Деритесь с воображаемым противником. Три минуты на бой. Три на отдых. Как всегда.

Барнс достал секундомер и стал красться за ними, пока они делали ложные выпады, наносили серии ударов, опять делали ложные выпады, снова били. Он остановил Кейса, хлопнул его по руке:

– Не размахивай локтем! Твой джеб за милю видно!

Он кивнул, наблюдая за их движениями.

– Не отводите руку назад! Не делайте этого!

Потом он сам наносил удары Поки, уча его не вздрагивать. Барнс знал, откуда это взялось. И кто был виновником.

Под конец он заставил подопечных пробежать интервальные спринты²¹, а затем сделать несколько медленных кругов, чтобы остыть. Кэлберт и Дайси жили достаточно близко, чтобы дойти пешком. Остальные ввалились в машину Барнса. По дороге к их домам он рассказывал о том, как Бойд победил Раппатону. Он не мог описать все правильно. И он не мог показать фотографию, сделанную во время боя.

– Нам понадобится мистер Джарвис, чтобы все как следует вам показать, – наконец признался он.

Поки всегда высаживался последним. Его дом был дальше других и в стороне от дороги, но Барнс настоял на том,

²¹ Интервальный тренинг – вид тренинга, при котором используется чередование промежутков с высокой и низкой интенсивностью нагрузки.

чтобы заехать на ведущую к нему дорожку, хотя та была узкой и потом пришлось бы сдавать назад. Сначала причиной такой настойчивости было то, что он слышал о Паранто и хотел убедиться, что с Поки все в порядке. А потом он увидел Пикси. Теперь Барнс ехал по дорожке, ведущей к ее дому, потому что всегда был шанс увидеть, как Пикси рубит дрова. Пикси. О, эти глаза!

Барнс вернулся в учительскую столовую сразу после того, как еда была убрана. Он жил в «холостяцком домике», маленьком белом бунгало под топодем. Учителя и другие государственные служащие жили в двухэтажном кирпичном здании с четырьмя просторными комнатами на втором этаже и двумя – на первом, плюс общая кухня и зона отдыха в просторном цокольном этаже с небольшой комнатой для смотрителя/повара, Джагги Блу. Сейчас она мыла посуду и готовилась вымыть пол на кухне, как обычно в семь вечера. Джагги была коренастой мускулистой женщиной с пронзительным взглядом, лет сорока с небольшим. Она заседала в консультативном совете племени вместе с Томасом. Как и Барнс, она постоянно пыталась бросить курить, а это означало, что, когда она давала слабинку, они делали это вместе. Но не сегодня. Скорее всего, не сегодня. Позже ему предстояло поработать с Лесистой Горой.

Джагги всегда придерживала для Барнса тарелку с ужином, полную до краев. Вот и теперь она вытащила миску с пирогом из разогретой духовки на своей любимой плите

с шестью конфорками. В этой плите имелись не одна, не две, а целых три духовки с черной крапчатой эмалью внутри и противнями из нержавеющей стали. Она обошлась недешево. Ее привезли из Девилс-Лейка²² по настоянию Джагги. Та имела влияние на суперинтенданта Тоска. Дорогая плита позволяла выпекать сразу несколько блюд и даже тушить на медленном огне ее знаменитое рагу из говядины. В первый раз она приготовила его в старинной голландской печи, еще в прошлом веке привезенной на повозке, запряженной волами. Для этого блюда она использовала целую бутылку собственноручно сделанного вина из черноплодной рябины, а также купленную у Томаса морковь, которую тот хранил всю зиму в погребе, в ящике с песком. Ей всегда удавалось найти нужные ингредиенты. Сведения об их наличии она выпытывала у всех в резервации. Что не могло не удивлять, потому что ей было совершенно чуждо обаяние.

– Мясной пирог, – буркнула она и ушла наполнять ведро, чтобы протереть пол.

О боже, как он был голоден! Впрочем, Барнс хотел есть всегда. И закрытый пирог был его самым обожаемым из ее фирменных блюд. Ну, может, вторым или третьим по степени обожания. Она использовала свиное сало из Сент-Джона²³, дающее хрустящую корочку, и закупала цыплят, достав-

²² Девилс-Лейк – город в округе Рэмси, Северная Дакота.

²³ Сент-Джон – второй по величине город восточной канадской провинции Нью-Брансуик.

ленных через границу с Канадой из колонии гуттеритов²⁴. Пембинский²⁵ картофель, который она выкапывала каждый год сама и припасала для особых случаев, был мелким и молодым, потому что еще стоял сентябрь. Морковь была идеально прожарена, но не размягчена. Слегка подсоленный луковый соус. Мягкие кусочки лука, сперва подрумяненного. Она щедро посыпала его занзибарским перцем. Закончив есть, он склонил голову. Джагги стала главной причиной, по которой некоторые учителя продлили контракты, а источник ее власти над суперинтендантом Тоском было нетрудно понять.

Барнс вздохнул и поставил пустую тарелку на стойку.

– Ты превзошла саму себя.

– Хм. Есть закурить?

– Нет. На этот раз я действительно завязал.

– Я тоже.

Они оба сделали паузу, на случай, если...

– Позволь мне закончить с полом, – сказала Джагги.

Затем она выпрямилась, прищурилась, огляделась и вытащила из-под прилавка сверток. Ужин для ее сына. Она сунула его Барнсу.

²⁴ Гуттериты – течение в анабаптизме, которое возникло в XVI веке, названо по имени одного из первых лидеров – Якоба Гуттера. Отличительной их чертой является общность имущества.

²⁵ Округ Пембина располагается в штате Северная Дакота.

Лесистая Гора уже был в спортзале. Барнс нашел его у мешка с опилками, заменяющего боксерскую грушу. Маленькие облачка пыли вылетали из мешковины каждый раз, когда Лесистая Гора наносил удар левой. Его левая рука была сильнее, хотя он был правой. Барнс положил сверток рядом с аккуратно сложенной одеждой Лесистой Горы. Он был сыном Джагги от Арчилла Железного Медведя, индейца сиу, чей дед пропутешествовал на север вместе с Сидящим Быком, пытаясь скрыться после битвы при Литтл-Бигхорне²⁶. Несколько семей остались в Канаде, некоторые в защищенном месте на равнинах под названием Лесистая Гора. Большинство людей забыли настоящее имя сына Джагги и называли его по месту, откуда приехал его отец.

– Хорошо выглядишь, – улыбнулся Барнс, сбрасывая куртку.

Барнс взял боксерский пэд²⁷, который сам сшил из старых лошадиных попон и набил опилками. Он поднял его и пустился в пляс, прыгая вправо и влево, чтобы Лесистая Гора в него попал. На пэд был нашит неровный круг из красной ткани. Барнс менял местоположение круга каждые несколь-

²⁶ Битва при Литтл-Бигхорне – сражение между индейским союзом лакота – северные шайенны и Седьмым кавалерийским полком армии США, произошедшее 25–26 июня 1876 года у реки Литтл-Бигхорн в Монтане. Битва закончилась уничтожением пяти рот американского полка и гибелью его командира.

²⁷ Боксерские пэды – спортивные мобильные снаряды для ежедневных тренировок спортсменов. Надеваются на руку тренера или спарринг-партнера и позволяют отработать все виды ударов и комбинаций.

ко дней.

– Ты весь сжимаешься перед ударом, расслабься, – посоветовал он.

Лесистая Гора остановился и слегка подпрыгнул, его руки свободно повисли. Затем он продолжил. Предплечья Барнса начали болеть, поглощая удар за ударом по пэду. Хорошо, что он сошел с ринга еще до того, как на него взошел Лесистая Гора. Барнс был выше, но они оба принадлежали к одной весовой категории. Оба были в среднем весе, обычно не превышающем 170 фунтов²⁸, хотя, пожалуй, сейчас Барнс весил больше. Он винил в этом Джагги.

²⁸ Примерно 77 кг.

Ноко

Томас выплыл на поверхность сна. Он слушал мышей, приятно шуршащих за штукатуркой и в камышовой крыше. Но вот до него донесся звук подъехавшей машины. Его сменил скрип повозки, которую все еще держал его отец. Роуз и девочки громко кричали и смеялись. Младенцы визжали. Томас почувствовал, что слишком полон жизненных сил. Он попытался взять себя в руки, погрузиться обратно под поверхность звуков. Он накрыл голову подушкой и исчез. В следующий раз, когда он пришел в себя, солнце было бледнее, свет наполовину иссяк, и его тело расслабилось в таком приятном оцепенении, что он казался себе пригвожденным к тонкому матрасу. Наконец он встал, вышел из старого дома и прошел в новый, на кухню. Шарло, его дочь, была бойкой жизнерадостной старшеклассницей, темные волосы каждый вечер завивались на бигуди, джинсы были закатаны до лодыжек. Клетчатая блузка, свитер, двухцветные кожаные туфли. Фи вела себя тише, ей было всего одиннадцать, и, нажимая на педаль маслобойки, она была погружена в мечты. Роуз жарила картошку с луком. Уэйд входил и выходил, нанося удары по воздуху. Считалось, что он заполняет ящик для дров.

А малыши... О, малыши всегда что-то затевали. Один слегка всхлипывал во сне, другой пытался засунуть в рот свою пухлую ножку.

У Роуз на плите стоял чайник с горячей водой. Она указала на тазик. Томас налил немного кипятка, и она добавила полный ковш холодной воды из ведра. После того как Томас умылся, он взбил в своей медной кружке для бритья пену и нанес ее на верхнюю губу. Маленькое квадратное зеркало в резной деревянной рамке принадлежало Роуз. Оно было сделано из добротного толстого стекла, хорошо посеребренного. Она привезла его с собой, когда они поженились. У Томаса на лице было около сорока жестких волосков. Он поточил бритву, тщательно сбрил их. Затем разделся до пояса, обер тело тряпкой и отнес ее с тазиком в спальню.

Мать Роуз дремала на стуле рядом с умывальным столом. Ноко слегка похрапывала, склонив голову. Ее седая голова была обмотана коричневым платком, крошечные диски из ракушек свисали с оттянутых мочек. Скрюченные руки лежали на коленях. Во сне она вздрогнула, затем ее голова дернулась вверх, губы растянулись, и она зашипела, как кошка.

– В чем дело, мама?

– Гардипи! Он снова принялся за свое!

– *Гавиин*, все в порядке, это было давно, – успокоила мать

Роуз.

– Он прямо там, – не унималась старуха. – Снова вломился!

– Нет, мама. Это же Томас.

Ноко подозрительно уставилась на него.

– Этот человек стар. Томас – молодой парень, – возразила

она.

Роуз прикрыла рот рукой, чтобы скрыть смех.

– Эй, Ноко, ты больше не думаешь, что я молод? – усмехнулся Томас.

– Я не дура, *акивензи*. Ты не Томас.

Старуха сказала это твердо, с негодованием и медленно сложила худые руки на груди.

Она оставалась в таком положении, наблюдая за каждым движением Томаса. Он сел за стол.

– Зачем ты здесь? – Она прищурилась, когда он съел тарелку поджаренной маисовой каши, которую перед ним поставила Роуз. – Охотишься за моей дочерью?

– Нет!

– Почему нет?

– Ноко, я Томас. Я постарел. Я ничего не могу с этим поделать.

– Роуз тоже старая.

Ноко широко раскрыла глаза и беспомощно посмотрела на дочь, чьи волосы почти полностью поседели.

– Роуз старая. Роуз старая, – повторила Ноко удивленным голосом.

– Ты тоже старая, – произнесла Роуз раздраженно.

– Может быть, – согласилась Ноко, бросив хитрый взгляд на Томаса, и добавила: – Ты отвезешь меня домой? Меня чертовски тошнит от этого места.

– Прекрати так с ним разговаривать! – крикнула Роуз.

Ей было трудно осознать, что Ноко чересчур отделилась от реальной жизни. Она повысила голос на мать, как будто это могло вернуть Ноко в мир, который они когда-то разделяли. Подавленная, Роуз схватила охапку белья и побежала в сарай, где стояла ее стиральная машина. Томас услышал бульканье воды и вспомнил: она подождала со стиркой, чтобы он мог поспать. Бочка для дождевой воды была пуста. Ему следовало поторопиться и принести воду из колодца, вырытого неподалеку от озера. Он коснулся руки Ноко и проговорил:

– Ты устала. Может, проводить тебя до кровати, чтобы ты могла поспать?

– Я не могу выбраться из кресла.

– Я помогу тебе подняться, – отозвался Томас.

– Я застряла.

Томас посмотрел вниз и увидел, что длинные густые седые волосы Ноко обвилились вокруг дверной ручки. Шарло любила расчесывать бабушкины волосы и оставила их распущенными.

– Иди сюда, Шарло, – позвал он, и они вместе распутали волосы.

– О, Ноко, – извиняющимся тоном произнесла Шарло. – Я запутала твои волосы!

– Не волнуйся, моя девочка, – успокоила внучку старуха, погладив ее по лицу. – Ничто из того, что ты можешь сделать, не причинит мне вреда.

Но когда Шарло вышла на улицу, чтобы привести мать, Ноко снова разволновалась и попыталась вскочить с кресла. Томас удержал ее, взяв за руку.

– Сиди спокойно, ты можешь упасть и пораниться.

– А хоть бы и так, – ответила Ноко. – Я хочу умереть.

– Не говори так, – попросил Томас.

Она сердито посмотрела на него.

– Ты вырастила мою любимую, – продолжил Томас. – Ты отлично справилась.

– Скажи это Томасу, – проворчала Ноко. – Он в это не верит.

Томас обошел кресло и помог Ноко подняться. Однако от этого усилия ноги ее подкосились, и она рухнула. Томас поднял старую женщину, и они с трудом доковыляли до кровати. Простыни на ней не было. Роуз сняла ее сегодня, чтобы выстирать. Ноко упала на голый матрас лицом вниз. Томас перевернул Ноко на спину и, сняв с нее туфли, поднял на кровать ноги.

– Ты не можешь вот так положить ее на матрас, – заявила Роуз, стоя в дверях. В ее голосе звучали слезы. – Под нее надо подложить что-нибудь мягкое. От пуговиц на матрасе у нее останутся синяки. Ее кожа теперь такая нежная, что они появляются едва ли не сами собой. Мы должны купить наматрасник для ее кровати.

– На какие деньги?

– На те, которые ты тратишь на машину.

Томас спокойно выдержал бушующий жар гнева жены. Он исходил от нее неровными волнами. Но потом, стоя перед ней, почувствовал, как ему стало легче. Это опять была прежняя Роуз с ее забавной полуулыбкой. Она перевела дыхание и рассмеялась:

– О, мама, посмотри на себя. Большие пальцы на маленьких ступнях торчат прямо вверх, как два пистолета.

Роуз и Томас расстелили под старухой сложенное шерстяное одеяло. Это было единственное, что они могли придумать, и теперь Ноко медленно пересекала реку сна, уплывая от них вдаль на своем тонущем плоту.

* * *

По выходным, чтобы возить воду для питья, Томас обычно пользовался конной упряжкой. Для умывания и уборки они собирали дождевую воду в бочки. Зимой они растапливали снег. Но сейчас у него не было времени запрягать лошадь. Томас постелил старый брезент в багажник машины. Он был очень осторожен. Разлитая в багажнике вода могла замерзнуть на всю зиму, а затем, летом, там появилась бы плесень. Хотя его предусмотрительность означала лишнюю поездку, он никогда не возил канистры с водой на заднем сиденье. Конечно, Уэйд поехал вместе с ним. Умный, как и все его дети, он усвоил программу двух классов за один год и теперь учился с мальчиками, которые были старше его.

– Я вышел против старины Альберта, папа, и провел пару отличных ударов.

– Никаких драк.

– А потом я врезал ему еще три или четыре раза.

– Послушай, Уэйд...

– Четыре слова там, где хватит и трех.

– Слова – это по-нашему. Всегда лучше найти выход из драки с помощью слов.

– Это то же самое, что убежать, ты сам говорил.

– Я имел в виду, убежать благородно.

– Но я не хочу убегать. Это заставит их называть меня краснокожим нюней.

– Тебе не нужно ничего доказывать. Я не хочу, чтобы ты дрался, но если бы ты это делал, то был бы звездой «Золотых перчаток», как Лесистая Гора.

– В следующую субботу у него бой в Боттино²⁹. Он дерется с Джо Уобблом.

– Джо Воблешински! У меня в субботу выходной. Я отве-
зу вас, дети. Возьмем и маму, если она согласится.

Уэйд восхищенно кивнул и поднял кулаки. Они наполнили канистры водой, потом купили разрыхлитель, сахар, овес и чай – все по списку Роуз, после чего вернулись домой, и Томас отправился за картошкой. Он копал быстро, и Уэйд едва успевал складывать ее в мешок. Так они просостязались друг с другом до темноты.

²⁹ Боттино – город в штате Северная Дакота.

Жидкая грязь

Потирая ноющую сзади шею, Патрис медленно шла по заросшей травой дороге. Она знала, что родичи матери будут там, расположившись лагерем. Они там и были. Пара потрепанных брезентовых палаток, шалаши из веток, обмазанные засохшей глиной. Костер для приготовления пищи. Озерными камнями с одного конца была зажата ветка железного дерева, на которой над крошечным пламенем висел чайник. Чурбаны, пригодные для использования в качестве сидений, были вытащены из поленницы и расставлены вокруг костра. На краю окружающей дом поляны, у каркаса парильни³⁰, стояла еще одна палатка особой формы, которая означала, что среди гостей был *джиисикид*, шаман. Жаанат послала весточку своему двоюродному брату Джеральду, чтобы тот пересек границу и помог ей найти дочь. Это была одна из причин, по которой позвали *джиисикида*. Он мог находить людей. Джеральд, или дух, вошедший в Джеральда, летал, пока шаман находился в трансе, в Города³¹ и смотрел, что там происходит. Он должен был выяснить, почему за последние пять

³⁰ Парильни – отапливаемые куполообразные сооружения, используемые индейскими народами для обрядов очищения.

³¹ Города – так называют два крупнейших города Миннесоты: Миннеаполис, самый густонаселенный город штата, и Сент-Пол, столицу штата, которая непосредственно граничит с Миннеаполисом на востоке.

месяцев Вера не написала ни строчки, не сообщила о себе в программу переселения и не поговорила ни с кем из людей племени, живущих поблизости.

Жаанат держала над дверью свежую сосновую ветку. Этим утром она сожгла сосновые иголки с можжевельником и медвежьим корнем. В полутемном доме пахло ароматным дымом. Джеральд сидел за столом с парочкой других гостей. Они пили чай и смеялись. В перерывах между шутками они обсуждали церемонию с участием Жаанат – как та будет проходить и кто может задать другие вопросы, как долго им следует ждать, следует ли установить парильню, какого цвета лоскутки привязать к ветвям и в каком порядке. Кто будет запевать каждую песню. Они дразнили друг друга. Подробности. Патрис никогда не обсуждала подробности жизни своей семьи с теми, кто ее бы не понял. Во-первых, откуда им знать, насколько все в ней странно. Но цвета и детали напомнили ей о том, как католики выбирают свои цвета и сосредоточиваются на своих таинствах. Как будто все это имело значение для духов или Святого Духа.

Патрис пришла к выводу, что люди относятся к понятию Бога, или *Гиже Маниду*, или Святого Духа по-детски. Она была почти уверена, что правила и атрибуты ритуалов не имеют ничего общего с Богом, что люди, как дети, представляют, будто делают все правильно и тем самым избегают наказания или вреда. Она чувствовала приближение чего-то более значительного, безличного, но в то же время глубоко

личного в своей жизни. Она думала, что, возможно, у людей, соприкасающихся с этим безымянным величием, есть способ зацепиться за края, оказаться втянутыми в это нечто, находящееся за пределами ее опыта, или даже самой войти в него.

– Дядя! – поприветствовала она Джеральда, обняла его и пожала руки остальным.

Затем, выпив чашку чая, она проскользнула за занавеску и обнаружила, что мать лежит в ее постели и крепко спит.

Патрис поставила чашку на табурет рядом с кроватью и присела на край матраса. Она думала, что, сев, разбудит мать, но Жаанат крепко спала на спине, измученная долгой борьбой с отцом Патрис, который наконец-то сел в поезд, во всяком случае, так говорили. Патрис взглянула на банку из-под перца, которую держала на подоконнике. Она набила ее мелкими деньгами-приманками, и, похоже, он ее нашел и опустошил. Облегчение. Ее настоящая записка была спрятана под линолеумом на полу. Ее журналы и газеты были аккуратно сложены стопкой рядом с кроватью. «Лук», «Лейдиз хоум джорнал», «Тайм». Джагги Блу сохраняла все, что выбрасывали учителя, для своей племянницы Валентайн, и когда Валентайн прочитывала журналы, она отдавала их Патрис.

Окно выходило на запад, и последние лучи солнца, пробиваясь сквозь золотистые листья берез, падали на тонко очерченное лицо матери. В уголках ее глаз появились милые

морщинки. Изогнутые линии подчеркивали ее легкую полуулыбку. У матери были длинные волосы, и гладкие косы случайно взметнулись над головой, так что казалось, будто она падает, отчего создавался комичный эффект. Ее руки были согнуты в локтях, а сильные маленькие ладони неподвижно лежали на груди. Необычные руки, которые пугали некоторых людей. Патрис унаследовала от матери раскосые глаза, силу, волю и энергичность. Но не ее руки. Они принадлежали только Жаанат.

Платье Жаанат было сшито из темно-зеленого ситца, усеянного крошечными золотыми листочками. Узор был из прошлого века, но Патрис знала, что платье всего несколько месяцев. Мать сшила его под старину из более чем четырех ярдов новой ткани. Узкие рукава спускались до запястий. Спереди были пуговицы из ракушки. Платье имело широкую присборенную юбку. Под ним на Жаанат было шерстяное мужское нижнее белье тусклого красно-оранжевого цвета. Ее мокасины из оленьей шкуры с подошвами из сыромятной кожи были украшены цветными нитями, голубой и зеленой. Она часто носила коричневую клетчатую шаль. Вот и теперь она перед сном накинула ее края на плечи, словно для защиты. Патрис провела рукой по бахrome шали, и мать открыла глаза.

По растерянному хмурому взгляду матери Патрис поняла, что та спала столь крепко, что теперь не могла взять в толк, где находится. Затем лицо Жаанат заострилось и губы изо-

гнулись, обнажив зубы. Она закуталась в шаль плотнее.

– Будь я проклята, если знаю, как сюда попала, – пробормотала она.

– Джеральд уже ждет снаружи.

– Хорошо. Он ее найдет.

Патрис кивнула. Джеральд на протяжении многих лет время от времени находил пропавших людей, но иногда у него это не получалось. Порой их место было от него скрыто, и его дух зря кружил над ним.

В ту ночь он летал особенно долго, но через некоторое время все-таки нашел Веру. Она лежала на спине, в засаленном платье, с тряпкой на шее. Она была неподвижна, но не мертва. Возможно, спала. Патрис могла бы подумать, что дядя видел образ спящей матери, уснувшей в тот день, если бы Джеральд не сказал, что нашел ее в городе и рядом с ней был кто-то. Маленький. Ребенок.

На следующий день Патрис отложила в сторону тревожную и в то же время обнадеживающую информацию от джисикида и запрыгнула на заднее сиденье машины Дорис Лаудер. Было дождливое осеннее утро, и Патрис была чрезвычайно благодарна, что ее подобрали и отвезли на работу. Она предложила, как случилось и раньше, внести деньги на бензин, но Дорис отказалась, неопределенно махнув рукой и сказав, что ей все равно требовалось ехать.

– Может быть, в следующем месяце, – улыбнулась она в зеркало.

– Может быть, я и сама сяду за руль в следующем месяце, – похвасталась Валентайн. – Папа чинит для меня машину.

– Какой марки? – спросила Дорис.

– Наверное, сразу нескольких, – призналась Валентайн. – Понимаете, она будет сделана из разных машин.

Дождь серебристыми ручьями струился по заднему стеклу. Некоторое время никто не проронил ни слова.

– Я слышала, Бетти Пай сегодня возвращается на работу, – прервала молчание Валентайн.

– О боже, – с резким смешком произнесла Дорис.

Бетти взяла оплачиваемый отпуск по болезни, чтобы удалить гланды. В ее-то возрасте! Тридцать лет. Она поехала на операцию в Гранд-Форкс, потому что, по-видимому, было более опасно удалять их, будучи взрослой. Но она была непреклонна в своем решении. Настаивала на том, что ее шея опухает каждый ноябрь, остается толстой всю зиму, и с этим требуется покончить. Врачи осмотрели ее горло и сказали, что миндалины необычно большие, «настоящие скопища микробов». Все знали подробности.

– Мне не терпится услышать, как все прошло, – призналась Патрис.

Двое на переднем сиденье засмеялись, но Патрис сказала это не для того, чтобы съязвить. Бетти, несомненно, пре-

вратила бы свою операцию в увлекательнейшую драму. Патрис не очень хорошо знала Бетти, но работа в их цехе шла намного быстрее, если она была рядом. Когда они приехали на завод, оказалось, что присутствие Бетти действительно ощущается, причем очень сильно. Круглое лицо Бетти было сероватым, а горло еще не зажило. Она говорила прерывистым голосом с хрипотцой. Но, как всегда, она была кругленькая, подвижная и одетая в зеленую клетку. Целеустремленная работница, она выполняла свою норму. На обед она принесла большую миску рисового пудинга, и когда глотала его, ее глаза наполнялись слезами. Она молчала весь день, шепча, что ей чертовски больно разговаривать. Когда рабочий день закончился, Бетти сунула Патрис сложенный листок бумаги и ушла. Пока Дорис и Валентайн разговаривали на переднем сиденье, теперь уже жалея Бетти за ту боль, которую она, по всей видимости, испытывает, Патрис достала листок и прочитала: *«Я слышала, ты ищешь сестру. Моя двоюродная сестра живет в Городах. Она видела Веру и написала тебе письмо – левой рукой, так как сломала палец на правой, указывая на мои недостатки. Ее зовут Женевьева. Жди почту».*

Патрис сложила листок и улыбнулась. Ее тянуло к Бетти. Способная превращать горечь жизни в комедию, она была так похожа на Веру. *«Сломала палец на правой, указывая на мои недостатки».* Что это вообще может значить? Она откинула голову назад и закрыла глаза.

В субботу утром Патрис надела пальто, скроенное так, чтобы раскачиваться в такт шагам, которое вытащила из груды одежды в миссионерском магазине. Какая находка. Оно было прекрасного голубого оттенка, подбитое шерстяной фланелью под высококачественной вискозой. Пальто было сшито на заказ и сохранилось в хорошем состоянии. Она повязала красно-синий клетчатый шарф и засунула руки в карманы пальто. Лесная тропинка должна была через четыре мили привести ее прямо в поселок, где была почта. Но она могла пойти и по дороге, где ее, скорее всего, подвезли бы. Хотя небо прояснилось, земля все еще была влажной. У нее не было галош, и она не хотела промочить туфли. Патрис выбрала дорогу. И вскоре ее действительно подобрали. И не кто-нибудь, а сам Томас Важашк. Обогнав Патрис, он остановился немного впереди нее и стал ждать. Крышка багажника была приоткрыта, и в щели виднелось тусклое оцинкованное железо канистр с водой. Одно из благоприятных обстоятельств жизни в далекой глуши состояло в том, что ключ у озера еще бил. И был чистым. Большинство людей, обитающих в стороне от поселка или в прерии, остались без воды, или ее источники превратили в водопои для скота. Даже вырытые колодцы иссякли.

Томас и Жаанат были дальними родственниками – Патрис было неясно, как именно они связаны, и «дальние родственники» было общее понятие, которое охватывало множество

отношений. Томас приходился ей дядей, а значит, его сыновья – ее двоюродными братьями. Она рванула вперед и заняла переднее сиденье, когда Уэйд вышел и уступил ей это почетное место.

– Спасибо, что остановился, дядя.

– По крайней мере, на этот раз ты едешь автостопом по суше.

Прошлым летом она подплыла к его рыбацкой лодке, удивив Томаса, а потом добралась до берега озера на его «попутке». Ему было волнительно говорить об этом. Он не знал точно, почему она заплывла в тот раз так далеко.

Патрис была одной из немногих девушек, которые обращались к нему на языке чиппева, или на кри, или на смеси того и другого. Он и Патрис говорили не совсем одинаково, но понимали друг друга. «Если Уэйда родной язык озадачивает, пусть подучит его хотя бы из любопытства», – подумал Томас. Они еще немного поболтали, и Томас узнал, что Жаанат установила у своего дома шаманскую палатку. Джеральд видел, что Вера жива и что рядом с ней ребенок. Патрис вышла у магазина, в котором также находилось почтовое отделение. Томас пообещал вернуться, чтобы ее забрать. Пока они с Уэйдом наполняли канистры водой, Томас думал о том, как его дед давным-давно консультировался с кем-то вроде Джеральда, когда им нужно было узнать о Фалоне. Благодаря этому они узнали, что Фалон умер, задолго до того, как пришло официальное извещение.

На обратном пути Патрис решила еще раз прочитать вслух дяде письмо от двоюродной сестры Бетти Пай.

Я видела твою сестру в городе, и с ней было что-то не так. Вот последнее, что я знаю: она жила в меблированных комнатах на Стивенс-авеню, номер 206. Я знаю об этом, так как там живет много индейцев, и я тоже жила на том этаже. Видела ее в коридоре с ребенком, и она не захотела со мной разговаривать.

Патрис сказала дяде, что хочет пойти от его дома пешком. Ей нужно было подумать. Дорога домой шла вдоль берега. Прохладный воздух пах дождем, высыхающим на желтых листьях. Рогоз на топях оцетинился мягкими коричневыми султанами, а листья тростника были все еще острыми и зелеными. На озере ветер гнал иссиня-черные волны с белыми барашками, и пена окаймляла песчаный пляж. Солнце сияло из-за темных несущихся облаков. Вера всегда хотела остаться там, где она могла видеть березы и болота. Она привела в порядок старую хижину на холме неподалеку от дома их матери. Вера там поселилась, стараясь все восстановить. Она спилила несколько деревьев, которые пытались прорасти сквозь пол, и чертила планы, которые должны были помочь превратить хижину в идеальный дом. Патрис помогла ей обустроить большую комнату с печкой и обеден-

ным столом. В доме были даже две отдельные спальни. Каждая деталь чертежа была помечена. Почерк Веры был четким и ровным, как у настоящей чертежницы. Имелся также специальный крупный план сводчатого окна со средником и полосатыми занавесками. У Патрис все еще хранился этот рисунок. Вера, которая одевалась оригинально и была элегантной в отличие от милашки Пикси, любила уроки домоводства и скопировала это окно из книги под названием «Идеальный дом». Она не хотела уезжать, но влюбилась. Это произошло неожиданно, и Жаанат не одобряла ее выбор. Жаанат отвернулась, вместо того чтобы попрощаться с дочерью, когда та уезжала в город. Патрис знала, что это не давало матери покоя.

– Оставайся на месте. Я тебя найду, – произнесла Патрис вслух.

Она схватила с тропинки палку и принялась бить по траве, разбрасывая по сторонам клубы золотистых семян.

Патрис была почти дома, когда облака сгустились, превратившись в темную пелену. Она бросилась бежать, но тут же остановилась. Ее туфли. Она не могла допустить, чтобы они испортились. Она наклонилась, сняла их, сунула под пальто и продолжила идти под дождем. Потом свернула на травянистую боковую дорожку, ведущую через лес. Ходить босиком не было проблемой. Она делала это всю жизнь, и ее ноги были крепкими. Теперь они замерзли, онемели, но ступали

твердо.

Ее волосы, плечи и спина промокли. Но движение согрело. Она замедлила шаг, чтобы пробраться через место, где вода просачивалась сквозь покров умирающей травы. Постукивание дождя по блестящим листьям было единственным звуком. Она остановилась. Ее посетило ощущение, будто что-то находится совсем рядом с ней, повсюду, кружащееся и бурлящее энергией. Как глубоко деревья вцепились в землю. Как тонко она была включена в окружающий мир. Патрис закрыла глаза и почувствовала рывок. Ее дух разлился в воздухе, как песня. Подожди! Она открыла глаза и перенесла весь свой вес на замерзшие ноги. Должно быть, так чувствовал себя Джеральд, когда летел над землей. Иногда она сама себя пугала.

Прежде чем тропа вывела на поляну у ее дома, Патрис услышала визг бешено вращающихся шин. Она подумала о спутниках Джеральда, хотя он уехал еще до рассвета. Когда она добралась до дома матери и обошла дальнюю стену, она поняла, что звук застрявшей машины доносился с узкой заросшей травой дорожки, которая вела к дому. Утром, когда Джеральд и остальные уезжали, их машины размесили мокрую землю, и одна из машин засела в рытвине. Не заходя в дом, она подняла окно рядом со своей кроватью и бросила на нее туфли. Она подумала, не забраться ли в окно самой, но вместо этого обошла дом, ступив на мягкую грязь. Она про-

шла мимо мокрого черного круга, оставшегося от потухшего костра. Продолжила путь по заросшей кустарником тропинке. В начале дорожки она увидела бирюзово-кремовый «Бьюик», принадлежавший учителю Поки. Мистер Барнс тяжело дышал, стоя у капота, и пытался вытолкнуть левую шину из наполненной водой ямы. Его большая копна светлых волос была похожа на стог соломы. Стог Сена – так его прозвали ученики. Поки сидел за рулем. Она остановилась и попыталась снова спрятаться в листве.

Сын Джагги

По дороге в Майнот³² они решили, что в эту ночь Лесистая Гора победит Джо Воблешински. Они спорили, как он это сделает.

– Победит по очкам, – предположил Томас.

– Нет, нокаутом, – возразила Роуз.

Она была счастлива выбраться куда-нибудь на вечер. И ей нравился бокс.

– Ты кровожадная женщина, – пошутил Томас.

– Поки тоже дерется. В выставочных боях³³, – отозвался Уэйд. – На нем всегда толстые перчатки и резиновый шлем.

– Его голова все еще растет, – отметила Роуз, оглядываясь на Уэйда.

– Да ладно. Почему мне нельзя заниматься боксом?

– Когда голова окончательно сформируется, дерись сколько хочешь.

Шарло рассмеялась.

– Шарло, Фи, вашим головам тоже еще расти и расти.

Уэйд замахнулся на сестер, сидящих рядом с ним на заднем сиденье. Они согнули пальцы наподобие когтей и при-

³² Майнот – город США, четвертый по величине в штате Северная Дакота.

³³ Выставочный бой – поединок, который не санкционирован какой-либо организацией. Результат боя не определяется или определяется, но не вносится в послужной список боксера.

нялись размахивать руками и рычать. Роуз потянулась к ним с переднего сиденья и, смеясь вместе с ними, надавала подзатыльников. Затем она замолчала и мирно уставилась в исчерченное струями воды окно. Они ехали под дождем. Томас почувствовал ее удовольствие и ничего не сказал. Потом они миновали необычный круглый хлев Телесфора Рено. Двор, где он держал своих гигантских призовых свиней. Здесь ответвлялась дорога в Дансит³⁴. Чуть дальше дорогу перебежал койот и исчез в канаве. Белые гуси стаей бродили по полю, поедая отходы и сорняки.

* * *

Ринг находился в спортзале государственного педагогического колледжа, с бордово-золотыми знаменами на стенах и несколькими рядами складных стульев. Большая часть зрителей сидела на трибунах или стояла. Толпа расступилась, пропуская боксеров, а затем снова сомкнулась. К тому времени, когда прибыл Важашк, выставочные бои уже закончились. Они направились к трибунам. Поки, Кейс и Ревард сидели мрачнее тучи рядом с мистером Барнсом. Они проиграли свои бои. Теперь должна была начаться главная программа. Тэк Толверсон против Роберта Валле. Сэм Белл против Говарда Олдмэна. Джо Воблешински против Лесистой Горы.

³⁴ Дансит – город в округе Ролетт, штат Северная Дакота.

Тэк выиграл первый бой, возможно, с помощью коварного удара ниже пояса, который видели зрители, но не рефери. Половина толпы возмутилась, другая половина освистала первую половину, и все остались недовольны результатом.

Говард Олдмэн выиграл по очкам. Индейцы из Форт-Бертольда робко заплодировали, индейцы Черепашьей горы внесли свой вклад в эту негромкую овацию. Олдмэн оправдал их надежды.

Затем сквозь толпу пробрались Джо Уоббл и Лесистая Гора. Много лет назад первый Воблешински покусился на землю, принадлежавшую бабушке Лесистой Горы. С тех пор Воблешински так часто отправляли свой скот пастись на землю Джагги, что ее семья, наконец, прихватила одну корову. Это произошло во время сбора ягод, когда повсюду разбивали лагеря посторонние люди, поэтому, если корову крали, она быстро попадала в их кипящие котелки. Ничто так никогда и не было выяснено или доказано, но и ничто не было забыто. С годами неприязнь между семьями укоренилась. Затем так получилось, что мальчики из обеих семей начали боксировать в одной и той же весовой категории, и это привлекло всеобщее внимание.

Джо вышел на ринг первым, застенчиво опустив голову. У него были молочно-белая кожа, песочного цвета глаза и соломенные волосы. Он был одет в темно-коричневый халат, и когда сбросил его, стало заметно, что Джо гордится своим тяжелым, как у быка, телом. Он весил на четыре

фунта больше, чем Лесистая Гора, и был на дюйм ниже. Он был сильным бойцом, но держал ухо востро. Он ритмично бил в воздух кулаками, словно накапливая энергию, в то время как Лесистая Гора, сын Джагги, неторопливо прохаживался в синем халате, который позаимствовал у Барнса. Он попереминался с ноги на ногу, чтобы скрыть нервозность, и немного потанцевал, сбрасывая халат. Попрыгал вверх-вниз. Густые волнистые волосы он зачесывал назад. Блестящие и внимательные темные глаза близко посажены. Тонкий длинный нос. Острые скулы. Полные изогнутые губы. Его тело было гибким и подвижным, воплощением грации и силы. Но Джо Уоббл, на год старше соперника, был более опытным бойцом и уже однажды победил его.

По удару гонга они двинулись друг на друга под насмешки и одобрительные возгласы, одновременно осторожные и уверенные в себе, выбрасывая удары в воздух, танцуя, отскакивая назад. Ни один из них пока так и не коснулся соперника. Затем Джо провел удар правой в челюсть Лесистой Горы. Тот воспользовался инерцией Джо, чтобы скользнуть мимо его тела и нанести сильный удар в живот, не причинивший вреда. Джо на цыпочках отступил, сделал ложный выпад вправо, обошел соперника слева и быстрым движением «поцеловал» Лесистую Гору в щеку. Гора снова использовал инерцию движения Джо, чтобы поразить его в центр корпуса, пожалуй, немного смягчив удар, или, возможно, защита Джо оказалась для Горы слишком действенной. Казалось, парень

не оставил ему других лазеек. Но как более тяжелый боец, он был медлительнее, и во втором раунде Лесистая Гора отскочил в сторону и ловко подставил левую руку под ведущую руку Джо. Он применил неожиданный хук, за которым последовал сильный правый. Джо пошатнулся, но раунд закончился прежде, чем Лесистая Гора успел развить преимущество. В третьем раунде они продолжали входить в клинчи, и практически ничего не происходило, что вызвало в толпе определенную напряженность.

Патрис и Валентайн стояли в заднем ряду. Они едва могли видеть происходящее. Валентайн бокс нравился, а Патрис не очень. Но они были взволнованы возбуждением толпы и старались быть услышанными. Там были индейцы, которые приехали со всей округи – из Форт-Бертольда и Форт-Тоттена, из Дансита и Майнота, даже из Форт-Пека в Монтане.

Джагги стояла впереди и кричала громче всех. Тем не менее индейцев было намного меньше, чем болельщиков, поддерживавших Джо Воблешински. Так что, возможно, индейцы приветствовали своего бойца немного громче, чем казалось правильным окрестным фермерам, которые привыкли к почтительности индейцев. Для большинства их соседей индейцы были людьми, которые ютились в убогих жилищах или, к своему вопиющему позору, бродили по улицам пьяными. Правда, это не касалось индейцев «хороших». Всегда был «хороший» индеец, которого кто-то знал. Но они не бы-

ли народом, у которого имелись бойцы-чемпионы. В любом случае не похоже, чтобы в этом Лесистой Горе было что-то особенное. Он стал осторожным, почти неуверенным в себе, защищал голову, подставляя живот для заслуженного наказания, затем ослабил бдительность и едва не пропустил ряд все более уверенных сильных ударов, которые Джо начал ему наносить.

Кто-то издал бессвязный рев.

Валентайн закричала:

– Бей его изо всех сил!

Патрис, в возбуждении перейдя на чиппева, завопила:

– *Баките'о!*

Она видела Томаса, Роуз и их детей в нескольких рядах перед собой. Томаса – тихого, пристально наблюдающего, держащего Фи на руках, – Уэйда и Шарло, прыгающих вокруг, обменивающихся подзатыльниками. На мгновение она задумалась о Томасе. Было что-то в его неподвижности, как бы противостоящей бурлению толпы. Словно он наблюдал за чем-то другим, а не за боем. И это было правдой. В том, как он следил за боем, было что-то интуитивное.

Томас мысленно вздрагивал от ударов, но он видел нечто иное, чем остальная часть толпы. Поклонники Уобббла начали кудахтать и смеяться. Индейцы отчаянно окликали своего фаворита, их надежда таяла. Но Томас увидел, что удары, наносимые Джо Уобблом, шли по касательной и не причиняли вреда. Он видел, что Гора принимает их, но они не оказы-

вают на него решающего воздействия. Затем он увидел, что еще три других человека в толпе напряжены и спокойны, как он, – двое из них сидели прямо перед рингом, это были Барнс и его напарник, учитель английского языка, который руководил всеми школьными спектаклями. Третьей была Джагги Блу. Они чего-то ждали. До конца раунда оставалась минута, когда Гора нашел брешь в обороне соперника, которую давно ждал. Он отступил, словно испугавшись, и противник тут же ответил жадным свингом. Это был бы нокаутирующий удар, если бы он достиг цели. За ним стояла вся сила Джо, но этот свинг вывел его из равновесия и открыл для полновесного левого хука Горы в челюсть. За ним последовал быстрый удар правой сбоку по голове. Затем последовала «музыкальная» комбинация. Гора лупил по сопернику, как пианист по клавишам. Защита Джо разлетелась на куски, и он споткнулся. Гора приготовился нанести новый удар, но тут прозвучал гонг – слишком рано.

Барнс выскочил на ринг с криком:

– Нарушение правил! Нарушение правил! Осталось пятнадцать секунд!

Рефери отмахнулся от него, посмотрел на часы, сделал замечание хронометристу и возобновил раунд. Что привело к победе Джо Уоббла по очкам, хотя всем было видно, что хронометрист сжульничал в пользу Уоббла и прервал бой, смутив Лесистую Гору, который дважды наступал в следующем раунде, но в конечном итоге проиграл бой.

Все вышли тихо, индейцы пожимали руки индейцам, и фермеры теперь были довольны. Бой закончился так, как и должен был закончиться, и они тоже мирно перешептывались. Всеобщее волнение улеглось, и ничего нового не произошло. Было темно, дул сильный ветер, и люди спешили к машинам или, запахнув плотнее пальто, шли быстро по улицам, сгорбившись.

По дороге домой девочки горевали. Но Томас видел, что Лесистая Гора повысил мастерство до такой степени, что стал быстрым, хитрым, лучшим, чем прежде, бойцом. По очкам он близко подошел к сопернику. Томасу стало интересно, сможет ли Барнс устранить то, что сдерживало сына Джагги. Даже с нечестным хронометристом Лесистая Гора мог одержать победу.

Едва они проехали первые пять миль, как все, кроме Томаса, заснуло. Как обычно, он остался один на один со своими мыслями. Отец Лесистой Горы, Арчилл, был выше шести футов ростом, сильный, с крючковатым носом и широкой улыбкой. Они с Томасом вместе ездили тайком в грузовых железнодорожных вагонах, следя за сбором урожая озимой пшеницы, работали весь июль, нанимаясь в молотильные бригады, и не останавливались, пока, наконец, не собирали последний урожай – кукурузу. В те дни кукуруза должна была высыхать на стебле в конце сезона, чтобы рабочие могли собирать ее вручную. Однажды они отправились на юг

и просто продолжали идти вперед – до самого начала пустыни. Где-то в Техасе, в 1931 году, они проходили мимо церкви воскресным утром, когда, откуда ни возьмись, появился шериф. Отряд недавно набранных полицейских оттеснил их к церкви, а затем окружил вместе с людьми, выходящими из нее. Все они были мексиканцами.

– Черт побери, – выругался Арчилл, – они думают, мы мексиканцы.

Их схватили во время одного из сотен рейдов времен Великой депрессии, в ходе которых более миллиона мексиканских рабочих были арестованы и отправлены на другую сторону границы, хотя многие из них были гражданами США. В Техасе индейцев любили не больше чем мексиканцев, так что их документы не помогли. Работая в уборочных бригадах, и Томас, и Арчилл научились быть предельно вежливыми с белыми людьми. Правда, такая манера обращения лучше всего срабатывала на севере. На юге она иногда выводила их из себя.

– Прошу прощения, сэр. Могу я с вами поговорить?

– Ты вернешься туда, откуда приехал, – заявил шериф.

– Мы из Северной Дакоты, – пояснил Арчилл, но его непринужденная улыбка не подействовала. – Мы не мексиканцы. Мы американские индейцы.

– Да неужели? Что ж, тогда считайте это расплатой за Кастера³⁵.

³⁵ Джордж Армстронг Кастер (1839–1876) – американский кавалерийский

– Поскольку мой дед его убил, – сказал Арчилл, – в этой мысли просматривается определенная справедливость. Тем не менее вот он, Томас, является настоящим американским гражданином. Я же канадец. Мой брат воевал в окопах. Мой дядя был на Сомме³⁶.

Шея шерифа вытянулась, и он выкрикнул непонятный эпитет. Затем подозвал пару полицейских и указал на Томаса и Арчилла. Их бросили в грузовик вместе с остальными и повезли к границе. По пути они немного выучили испанский, и Арчилл влюбился в девушку, которая заплетала волосы в замысловатые косы и была одета во все белое. Это был первый раз, когда они встретили женщину с особой «внешностью», и они много разговаривали о ней после. О том, что она, Адольфа, отличалась от прочих. Может, дело было в том, как она держалась. Она, несомненно, была бедна, но белое платье и прическа придавали ей вид богачки. На ее отце была фетровая шляпа соломенного цвета, подтяжки и белая рубашка. Эти двое ехали в одном грузовике с ними, но выглядели словно обладатели билетов первого класса.

офицер, прославившийся безрассудной храбростью, необдуманностью действий и безразличием к потерям. Погиб 25 июня 1876 года при атаке на превосходящие силы индейцев под командованием Сидящего Быка и Неистового Коня при Литтл-Бигхорне, в ходе которой отряд его был разгромлен.

³⁶ Битва на Сомме – битва армий Британской империи и Французской республики против Германской империи в ходе Первой мировой войны. Состоялась с 1 июля по 18 ноября 1916 года на обоих берегах реки Соммы. В ней было убито и ранено более 1 млн человек, что делает ее одной из самых кровопролитных битв в истории человечества.

Их вид вдохновил Томаса. Когда они, наконец, смогли проскользнуть обратно через границу, он купил широкополую шляпу из мягкого коричневого фетра. Они отправились обратно на север на товарных поездах. Люди на станциях раз от разу становились все белее и блондинистее. И с каждой остановкой местные бродяги, которых они видели, были все более продрогшими, усталыми, больными. Последний отрезок пути они проделали на «скачущем гусе»³⁷, заплатив за билеты. Они сошли с него в Сент-Джоне³⁸. Джагги ждала на вокзале, уперев руки в бока. Как она узнала, что они приедут именно на этом поезде, было полной загадкой.

– Привет, Арчи. Ужин готов, – сказала она.

Через месяц они уже жили вместе. Они так и не поженились. Джагги была слишком независимой и хотела, чтобы все было так, как она хочет. Когда у Арчи начался кашель, Джагги отвезла его в санаторий Сан-Хейвен, к северу от Дансита, где он и умер через год. Тогда умирать от туберкулеза было обычным делом. Многие детей из Форт-Тоттена отправили в детский санаторий в резервации Сак-энд-Фокс³⁹.

³⁷ «Скачущий гусь» – популярное название, данное серии из семи железнодорожных вагонов, построенных в 1930-х годах Южной железной дорогой Рио-Гранде и эксплуатировавшихся до начала 1950-х годов. Они были построены из полноразмерных автомобилей.

³⁸ Сент-Джон – город в округе Ролетт, штат Северная Дакота, США.

³⁹ Сак-энд-Фокс – индейская резервация, расположенная на территории Великих равнин на Среднем Западе США, на границе двух штатов – Канзаса и Небраски.

Родерик.

У Томаса были друзья по ту сторону. Все больше и больше друзей. Слишком много. Иногда он разговаривал с ними. Арчилл. Да, разговаривал. А почему бы и нет? Это помогло думать, что все они переехали в другую страну. Что они живут на дальнем берегу реки, которую можно пересечь лишь один раз. Темной ночью, при свете приборной панели, он разговаривал с Арчиллом, но только в своих мыслях.

– У твоего тезки есть работа.

– Хорошо, брат.

– И ты бы гордился своим сыном. Он здорово боксирует.

– Еще бы. Как правнук...

– Эти разговоры о смерти Кастера всегда доставляли тебе неприятности.

– Верно. Как Джагги?

– Печет пироги для *чимукомаанег*. Этот Барнс, учитель, каждый вечер привозит твоему сыну ужин.

– Это мог бы делать и ты.

Томас подождал. Под конец Арчилл стал не похож сам на себя. Истощенный, лишенный желаний. На белой постели. Посреди бесплодных холмов.

– Я борюсь с чем-то, идущим из Вашингтона, – проговорил он. – Я не знаю, что это, Арчи. Но оно плохое.

Дни святой Валентайн

– У вас всего три дня, – предупредил мистер Волд.

Он постучал ногами под столом. Его ботинки издавали звук, похожий на стрекот насекомого. Бетти Пай придумала называть его Кузнечиком. Это прозвище подходило ему на удивление хорошо. Патрис смотрела, как его квадратный рот и челюсть двигаются, словно жвалы кузнечика. Он перебирал бумаги, его длинные пальцы брали и перекладывали их. Его дыхание плыло по столу, сильное и вязкое, как будто он наелся мокрого сена. Он подтолкнул к Патрис лист бумаги. Она взяла его и прочитала. Ей придется проработать шесть месяцев, чтобы накопить еще три дня отпуска по болезни.

– Дело касается моей сестры, – пояснила она, – сэр.

Патрис, как могла, объяснила ситуацию с Верой. Она была единственным человеком в семье, который мог поехать в Миннеаполис. Она показала начальнику письмо от двоюродной сестры Бетти Пай. Он внимательно изучил его, перечитав несколько раз, и Патрис поняла, что, притворяясь, будто читает письмо, он перебирает возможности.

– Хорошо, мисс Паранто, – произнес он наконец, откладывая письмо, – эту ситуацию едва ли можно назвать болезнью. Я мог бы предоставить вам неоплачиваемый отпуск, понимаете, без гарантии, что вы сохраните работу, если вам не удастся вернуться, скажем, в течение отведенного времени.

– Сколько времени вы мне дадите?

– Не больше недели.

– Можно я подумаю об этом до завтра?

– О чем тут думать? – возразил мистер Волд. – Поезжайте, непременно поезжайте.

Он казался взволнованным ложной щедростью своей фразы и продолжал пережевывать сказанные слова даже после того, как они были произнесены.

Остаток утра Патрис работала молча, пытаясь решить, стоит ли рисковать работой. Во время обеденного перерыва она взяла свое помятое ведро и достала оттуда вареную картошку, кусок лепешки и горсточку изюма. Иногда люди обменивали предоставляемые им правительством товары на корзины Жаанат. Патрис ценила изюм особенно высоко. Она ела его медленно, на десерт, позволяя каждой изюминке размягчиться и растаять на тыльной стороне зубов.

– Изюм!

Патрис, услышав изумленный возглас, протянула ведро подруге, и Валентайн, жадно зачерпнув оставшийся изюм, отправила его в рот. Потом она взглянула на Патрис и заметила на ее лице смятение, прежде чем та успела его скрыть.

– Прости.

– Все в порядке.

– Но ты огорчена.

– Из-за Веры. Я боюсь брать отпуск, потому что, если не

найду сестру сразу и мне придется остаться дольше установленного Волдом срока, я потеряю работу. У меня всего три дня.

– Каких три дня?

– Три дня отпуска по болезни.

– Чего?

– Отпуска по болезни.

– По болезни?

– С половинной оплатой.

– Ой, я даже не знала, что нам такой полагается.

Их перерыв закончился. Патрис допила остывший кофе, оставшийся на дне ее чашки. Вареная картошка придала ей сил, и она принялась за работу с внезапной сосредоточенностью, ставшей привычкой. Она опустила щуп, чтобы намазать каплю клея. Ее рука была твердой.

Позже, по дороге к машине, Валентайн сказала:

– Можешь забрать мои дни.

– Что ты имеешь в виду?

– Мои больничные дни. Мистер Волд сказал, что я могу отдать свои дни тебе. В этих обстоятельствах.

Патрис зарделась от облегчения, протянула руки к Валентайну и обняла ее, а затем отступила.

– Я так благодарна. Какой сюрприз!

– Знаю, – отозвалась Валентайн. – Я само противоречие.

То, что Валентайн назвала в себе это качество, заставило их обоих замолчать.

– Противоречие!

– У вас что, какая-то игра? – спросила Дорис, подходя к ним сзади.

– Нет, – ответила Валентайн, – это не игра, это про меня. Семь пятниц на неделе. То дерзкая, то милая.

– Ну и дела!

– Но ты никогда не скупись. Всегда проявляешь щедрость, – отметила Патрис.

По дороге домой она рассказала подругам о предстоящей поездке в Миннеаполис. Она никогда раньше так далеко не путешествовала, а потому придумывала все по ходу дела.

* * *

У ее семьи не было дорожной сумки. В торговом центре был выставлен на продажу красивый клетчатый чемодан. Дорогой. Патрис купила полтора ярда холста. Потом срезала короткие ветви осины, содрала кору.

Она подшила холст, соединила края, сшила их вместе, обернула концы вокруг толстых прутьев каркаса, затем, используя сухожилия и латунные гвозди, прикрепила к прутам два куска кожи, чтобы они служили ручками. Холщовый чемодан выглядел как сумка рабочего, но что с того? Она не стремилась быть модной, ей требовалось просто добраться до Миннеаполиса. В Офисе по переселению индейцев висело расписание поездов. Она поймает попутку, идущую в Рег-

би⁴⁰, и сможет купить билет там, на вокзале.

Сестра Кудряшки Джей, Дианна, работала в комнатушке, служившей офисом. Патрис уселась за стол, заваленный бумагами, и принялась листать стопку буклетов в поисках любой новой информации о Вере. Позади нее к стене был приклеен плакат. **Приезжай в Миннеаполис. Шанс всей твоей жизни. Хорошая работа** в розничной торговле, на производстве, в федеральном правительстве, в учреждениях штата и на местном уровне, захватывающая общественная жизнь, удобные магазины. **Прекрасная Миннесота.** Десять тысяч озер. Зоопарк, музей, аттракционы, места для пикников, парки, развлечения, кинотеатры. **Счастливые дома,** красивые дома, множество церквей, захватывающая общественная жизнь, удобные магазины.

Помимо любви, подумала Патрис, Вера, вероятно, уехала в Миннеаполис ради «захватывающей общественной жизни» и «красивых домов». Ее пленили рисунки окон с прямыми, словно проведенными по линейке, оконными переплетами.

– Вы хотите подать заявление?

– На переезд в «прекрасную Миннесоту»?

– Вам помогут с работой, обучением, посодействуют в поисках жилья и во всем остальном.

– Вера все это получила?

– Ну да.

⁴⁰ Регби – двадцатый по величине город в Северной Дакоте.

– Вам следовало бы мне заплатить, так как я собираюсь сделать вашу работу. Я поеду в Миннеаполис, чтобы найти сестру. Разве вы не отслеживаете, куда деваются ваши клиенты?

– Через некоторое время мы теряем с ними связь.

– Мне нужен очень короткий промежуток времени.

– Последний известный нам адрес – Блумингтон-авеню.

– У меня он тоже есть. Я собираюсь начать с него.

– Тебе есть где остановиться?

– Нет.

– Найди мою подругу.

Дианна написала имя Бернадетт Блу на карточке вместе с ее адресом и номером телефона.

– Я не знаю, доступна ли она еще по этому номеру. Он рабочий.

– И какая у нее работа?

– Секретарская.

– Дочь Джагги Блу.

– Та, что бедовая, – присовокупила Дианна.

Патрис подняла брови. Дианна сказала:

– Шучу.

Но тон ее не был шутливым. Она продолжила листать стопку бумаг.

– А вот еще одно имя. Отец Хартиган.

– Я не собираюсь проделывать весь этот путь, чтобы встретиться со священником.

- На крайний случай.
- У меня крайнего случая не будет.
- Вера тоже так говорила.
- Я все-таки думаю, вы должны мне заплатить.

В ту субботу Патрис подождала, пока Поки уйдет, а Жанат отправится в лес. Хотя Патрис знала, что они не возьмут ее деньги себе, она была не совсем уверена, что они вдруг не пожелают избавиться от ее отца. Свои деньги она закопала под восьмым зеленым квадратом линолеума справа. Эта часть узора находилась под ее кроватью. Она отодвинула хлипкую раму в сторону. Осторожно, чтобы не потрескался, она медленно сдвинула линолеум. Под ним она хранила копилку – помятую розовую жестянку из-под печенья, разрисованную танцующими печеньками. Та была аккуратно зарыта, и земля над нею разровнена. Она раскопала руками землю и сняла крышку. Деньги были на месте. Все сто шесть долларов. Она вынула их, перезахоронила коробку и оставила восемь долларов под маминой банкой с сахаром. Дорис ехала в Регби и должна была забрать ее через полчаса. Патрис завела часы и подсчитала, на сколько минут они отстали за ночь. Полученное в результате время было довольно точным. Все, что оставалось сделать, – это сесть в поезд. В Миннеаполисе ей предстояло отправиться по ненадежному адресу и к дочери Джагги Блу, Бернадетт, той, что бедовая.

Жаанат вернулась с корзиной съедобных сосновых побегов. Они постояли вместе, обнявшись, прямо за дверью.

– Он ведь в Фарго⁴¹, верно? – спросила Патрис, имея в виду отца.

– Он не придет сюда сейчас, по крайней мере в ближайшее время.

Только в объятиях матери Патрис почувствовала, что отец не вернется. Она боялась ее отпустить.

– Не вздумай тоже исчезнуть, – прошептала Жаанат и крепче прижала дочь к себе.

Страх за Пикси. Страх перед тем, что она может обнаружить. Страх за Веру. Но когда она отступила на шаг, Жаанат улыбнулась, увидев начищенные туфли дочери, ее яркое пальто, завитые волосы, красную помаду. Валентайн даже одолжила ей перчатки.

– Ты похожа на белую женщину, – сказала Жаанат на чиппева.

Патрис рассмеялась. Они обе были довольны ее новым обликом.

⁴¹ Фарго – крупнейший город штата Северная Дакота.

Пукконы

Томас шел с ружьем по тропе, ведущей к дому отца. Может, ему удастся подстрелить куропатку. Или оленя. Но вокруг виднелись только сухая трава, шиповник, темные сердцевинки рудбекий и красный ивняк. Под дубами в траве лежали кучи желудей. После долгой варки их можно было есть. Он подумал о том, чтобы забрать их. Но по краям травянистой тропы росли кусты, усеянные пукконами. Он наполнил шапку, а затем и куртку этими колючими зелеными орехами. Его отец увидел, как он идет по краю поля, и вышел за дверь, сгорбленный, опираясь на палку. *Бибун*, на чиппева «Зима», худой как щепка. С возрастом его кожа местами посветлела. Смеясь, он иногда называл себя старой пегой лошадью. На нем была кремовая рубашка с длинным рукавом, коричневые рабочие брюки, мокасины, такие изношенные, что казались частью его ног. Он все еще мог поддерживать огонь и настаивал на том, чтобы жить в одиночестве. Бибун задрожал и улыбнулся, увидев пукконы. Они были его любимой едой, напоминанием о прежних днях.

– О, сынок, что ты принес! Давай-ка очистим их от скорлупы.

На краю двора лежали плоские доски. Томас положил колючие зеленые орехи в пакет и ударил по нему камнем, достаточно сильно, чтобы расколоть скорлупу. Предвечерний

свет косо падал с западной стороны. Томас вынес из дома кухонные стулья и тазик для мытья посуды. Когда они сидели в угасающем сиянии дня, снимая кусочки скорлупы с ядрышек орехов и бросая их в тазик, Томасу подумалось, что он должен накрепко запечатлеть все это в памяти. Запомнить все, что сказано. Запомнить все жесты отца. Особую живость вещей, освещенных предзакатным солнцем, – все это требовалось удержать в памяти. И, конечно, деревья позади них, их колеблющиеся тени.

Бибун сказал:

– О, дьявол, посмотри-ка сюда.

Внутри одной из скорлупок сидел золотой жук, похожий на персонажа из сказки. Его раздвоенный панцирь мерцал и отливал металлическим блеском. Мгновение он сидел на руке Бибуна, затем его золотые доспехи раскрылись, он расправил жесткие черные крылья и унесся прочь, в сгущающиеся тени.

– Он был похож на золотой самородок, – произнес Томас.

– Хорошо, что мы не раздавили этого негодника камнем, – отозвался Бибун.

Пес Томаса, Курильщик, вышел из леса, неся кость от оленьей ноги. Он был метисом, похожим на тех собак, что жили у людей в древности, – служебных собак, с мягкой серой шерстью и загнутыми хвостами. Шерсть Курильщика была испещрена темными шрамами, а морда была наполовину белой, наполовину серой.

– Хороший мальчик, – сказал Томас псу.

Курильщик присел рядом, зажав кость между передними лапами, охраняя ее, несмотря на то, что она была белой и обветренной. Вскоре Томас заговорил с отцом на чиппева – это означало, что их разговор пошел в более сложном направлении, касаясь ума и сердца. Бибун думал на чиппева более свободно. Хотя его английский был очень хорош, родной язык придавал мыслям большую выразительность и даже комичность.

– Что-то происходит в правительстве. У них появился новый план.

– У них всегда есть новый план.

– Этот отменяет договоры.

– Для всех индейцев? Или только для нас?

– Для всех.

– По крайней мере, они не издеваются над нами в одиночку, – пошутил Бибун. – Может быть, мы сможем объединиться с другими племенами в этом деле.

Родители Бибуна занимались знахарством, и мальчиком он много путешествовал с ними, посетив резервации ассинибойнов, гровантров и территорию черноногих⁴². Затем его

⁴² Ассинибойны, «каменные сиу» – индейцы из группы народов сиу, обитающих в США и Канаде. Название племени происходит от обычая варить еду, бросая в емкость с водой раскаленный на огне камень. Гровантры (*фр.* Gros Ventres, букв. «большебрюхие») – племя индейцев, проживающих в северной части штата Монтана в резервации Форт-Белнап. Нация черноногих, официально назы-

семья отправилась вниз по Милк-Ривер, охотясь на бизонов. Он вернулся в Черепашьи горы, когда у него не осталось другого выбора. Индейцы были заключены в резервации и должны были получать разрешение от ближайшего фермера, чтобы пересечь ее границу. Какое-то время им не разрешали отправляться на поиски пищи, и в одну ужасную зиму старики уморили себя голодом, чтобы молодежь могла жить дальше. Бибун пробовал заниматься сельским хозяйством. У знакомого фермера он получил семенную пшеницу, железный плуг и вола – при строгом условии, что его семья не убьет и не съест этого вола. В первый год – ничего. Им приходилось по очереди пробираться через границу резервации и собирать кости бизонов, чтобы продать их торговцам костями. На следующий год они посадили не зерно белого человека, а кукурузу, тыкву и бобы. Семья высушила урожай и спрятала еду. Они не то чтобы совсем голодали, но к весне едва передвигали ноги, такие стали худые и слабые. Потребовалось много лет, чтобы понять, какие растения лучше всего растут на той или иной почве, какие любят влажные места и какие – сухие, какие предпочитают утреннее солнце, а какие – дневное. Томас извлек уроки из экспериментов отца.

Теперь у них было достаточно еды плюс государственные излишки продовольствия, которые всегда появлялись

ваемая «племенем черноногих индейской резервации Монтаны», является признанным на федеральном уровне племенем народа сиксикайтситапи с индейской резервацией в Монтане.

неожиданно. Бибун больше всего радовался правительственному кукурузному сиропу, такому сладкому, что у него боле-ли оставшиеся корни давно разрушившихся зубов. Он раз-бавлял его холодной водой и добавлял несколько капель «Маплейна»⁴³, чтобы придать ему вкус прежнего кленового сиропа. Он помнил этот вкус с самых юных дней, проведен-ных в огромных рощах сахарных кленов в Миннесоте. И он любил пукконы, жарящиеся на чугунной сковороде, подбра-сываемые на ней, и запах старых времен, наполняющий хи-жину.

⁴³ «Маплейн» – вкусовая добавка, имитирующая вкус кленового сиропа.

Духи

По дороге в Регби, сидя на пассажирском сиденье, которое обычно занимала Валентайн, Патрис задавалась вопросом, всегда ли Дорис Лаудер так хорошо пахла. Она хотела узнать, не духи ли это, но сомневалась, вежливо ли об этом спрашивать. Патрис задумалась о том, как пахнет она сама. Она жила в окружении медвежьего корня, *вике*, полыни, душистых трав, кинникинника⁴⁴ и всевозможных чаев и шаманских снадобий, которые Жаанат сжигала или варила каждый день. Их запах, несомненно, прилип к ней. Перед отъездом Жаанат сунула Патрис в руки матерчатый мешочек с чаем из шиповника – укрепляющее и тонизирующее средство для Веры. А также ягоды можжевельника. Для купания младенцев. Они были в ее чемодане, лежащем на заднем сиденье. Постепенно аромат можжевельника проникал в салон автомобиля. Но он все равно не мог конкурировать с запахом Дорис.

– Мне нравятся твои духи, – выпалила Патрис. – Как они называются?

Она не собиралась ничего говорить, но ровный шум мотора подталкивал к разговору.

⁴⁴ Кинникинник – смесь мелко измельченной внутренней коры красного кизила и стружки пробкового табака. Смесь обрабатывают деревянными ступкой с пестиком. Эта смесь также используется сегодня для церемониального курения.

– Одеколон «Лучше Навоза», – пошутила Дорис. – Первый друг девушек с фермы.

Патрис рассмеялась так сильно, что неприлично фыркнула. Она почувствовала неловкость, но Дорис тоже фыркнула. Это фыркание заставило их смеяться до тех пор, пока в уголках глаз не показались слезы. Потом Дорис заявила, что ей нужно успокоиться, чтобы не съехать с дороги.

– У тебя есть парень? – спросила она Патрис. – Валентайн говорит, что есть.

– Что? Хотелось бы знать, кто он!

– Люди говорят, ты нравишься тренеру по боксу.

– Это для меня новость, – ответила Патрис, хотя дело обстояло не так: Поки ей говорил, что Барнс всегда спрашивает про нее.

– А как насчет тебя? – добавила Патрис.

– У меня никого нет.

– Значит, переводишь духи зря?

– Нет, просто делаю сносным воздух вокруг себя.

Они снова засмеялись, но на сей раз не вышли за рамки приличия.

– Я никогда не покупала духи, – призналась Патрис. – Если у меня останутся деньги после поездки, я могла бы потратить их на духи.

– В этом году я купила себе маленький подарок на день рождения. Духи называются «Жидкие лепестки». Я пользуюсь ими, когда езжу в город, но не на работе.

– Полагаю, они дорогие.

– Да, но дело не в том. Я не душусь ими, потому что они нравятся Кузнечику.

Патрис постаралась уяснить значение сказанного.

– Ты не хочешь его поощрять.

– Конечно, нет. Кому он нужен?

– Его жене?

– Таковой не существует. По очевидным причинам.

– А есть ли кто-нибудь, ради кого тебе действительно захотелось бы использовать «Жидкие лепестки»?

– Может, такой и есть, но он меня еще не заметил.

– Не заметить тебя невозможно.

– Да ты на меня когда-нибудь смотрела? Я коренастая, потная, неуклюжая, и моя кожа бледная-пребледная. Я не цветущая фермерская девушка. Мои щеки не пышут румянцем.

Патрис удивилась и замолчала. С ее вздернутым носиком и пушистыми рыжевато-каштановыми волосами, большой грудью и пышными бедрами, коротышка Дорис выглядела хорошенькой. Она могла наговаривать на себя, напрашиваясь на похвалы, подумала Патрис, а потому начала сыпать ей комплименты.

Дорис, казалось, раздражало все, что она говорила. Похоже, Дорис просто не хотела слышать о себе ничего хорошего. Патрис остановилась, и они поехали молча. Через некоторое время Дорис сказала:

– Я не знаю, что со мной не так. Ты просто пытаешься заставить меня чувствовать себя лучше. Но я вижу тебя насквозь. Что ты думаешь о Баки Дювале?

Она с таким же успехом могла воткнуть в мозг Патрис электрический провод.

– Что я думаю? Ты же не хочешь ничего слушать. Ты ведь знаешь, что он рассказывает обо мне, верно?

– Нет, а что?

Дорис смотрела на нее, выпучив глаза, и Патрис рассказала о том, как Баки с друзьями решили подвезти ее прошлым летом, когда она голосовала на шоссе. Как они сначала пообещали, а потом отказались отвезти ее туда, куда она просила. Как они заманили ее в ловушку, как Баки скрутил ей руки, как они поехали по дороге, ведущей к Рыбному озеру, а потом попытались заставить ее выйти, чтобы устроить «пикник», и как она притворилась, что идет с ними. Но когда они спустились к озеру, она прыгнула в воду и поплыла к рыбацкой лодке своего дяди. А они не осмелились ее преследовать.

Она не рассказала Дорис о том, как они пытались навалиться на нее всем скопом в машине, или о лице Баки, прижатом к ее лицу, его руках, шарящих по ее телу. И она ничего не рассказала о нынешнем состоянии Баки.

– И ты проплыла весь путь до лодки своего дяди?

– Конечно! Он был так удивлен. Сказал, что ловит окуней, а не юных леди. Но, как бы то ни было, он отложил удочку

и помог забраться в лодку.

– Повезло, что он был там.

– Я смогла бы перегнать этих парней вплавь. Они были пьяны.

– Ты предполагала подобное, когда садилась в машину?

– Да, но для меня эта поездка была очень важна.

– Понимаю.

Некоторое время они ехали молча, потом Дорис спросила, знает ли Патрис других парней, бывших в машине.

– Знаю парочку. Всего их было четверо.

– Мой брат дружит с Баки.

Дорис взглянула на подругу, и по ее взгляду Патрис поняла, что брат Дорис был одним из тех парней. Она знала, что именно поэтому Дорис спросила ее о Баки. Это не был настоящий вопрос. Теперь она не могла доверять Дорис. Та все знала о Баки. И ее брат, должно быть, что-то наплел о ней.

– Что он тебе наговорил? – спросила Патрис.

– Он сказал, Баки вел себя как придурок. И добавил, будто не знает, почему ты ушла с ним в кусты.

– Я этого не делала! И что ты ему сказала?

– Я не верю, что ты на такое способна. Я так ему и заявила.

Неужели Дорис действительно ее защищала? Патрис была настроена скептически.

– И что он ответил?

– Он как-то странно на меня посмотрел, а потом признался, что Баки заставил его поклясться, что представит дело

именно так.

– Зачем Баки это нужно? Что ему с этого?

– Разве ты не знаешь? Он думает, что, если подмочить твою репутацию у хороших парней, ты смиришься, и он сможет тебя заполучить. Ты нравишься Баки, как и Барнсу.

Патрис ничего не ответила. Это звучало совершенно правдоподобно. И в то же время абсолютно невероятно. Разве Баки не думал о том, что скажут другие люди? Что его уродство как-то связано с Жаанат и с ней? Что каким-то образом они заморозили половину его лица и лишили силы его руку? Что они прокляли его? Внезапно Дорис нажала на газ и уставилась на дорогу. Они полетели вперед – слишком быстро.

– Притормози!

– По крайней мере, ты хоть кому-то нравишься! Ты, со своими эльфийскими глазками и милой фигуркой! – воскликнула Дорис. – Неужели тебя это не радует?

Патрис почувствовала прилив горечи.

– А почему это должно меня радовать? – спросила она.

– Ты бы знала почему, если бы единственным, кому ты нравишься, был Кузнечик.

* * *

Патрис откинула голову на накрахмаленную салфетку, которая уже была слегка испачкана маслом для волос. Она вы-

брала место у окна, хотя, когда она вошла в вагон, несколько человек посмотрели на нее странным взглядом. Но было достаточно мест, чтобы она могла занять одно у окна. Никто не сказал бы, что ей там не место. Она на это надеялась. Патрис засуетилась со своим самодельным чемоданом и повесила пальто, разгладив его складки. Потом она села, положив руки в перчатках на колени. Ее сердце все еще колотилось. Поезд застонал, зашипел, испустил гигантский вздох. Затем двери закрылись, и пол под ее ногами наполнился энергией. Колеса застучали по рельсам, и вскоре поезд, раскачиваясь, двинулся с плавной, восхитительной, все увеличивающейся скоростью. Патрис улыбалась, глядя на дома, улицы, людей, уносящихся назад, пока поезд величаво катил вперед. Никто никогда не описывал ей, какое ощущение свободы возникает, когда едешь в поезде. Кондуктор взял у нее билет, отдал половину обратно, а другую вставил в маленькое отверстие в верхней части ее кресла. Так что теперь это место принадлежало ей. Вторую половину билета она аккуратно положила в сумочку. Затем, подумав, снова достала и незаметно сунула в маленький кармашек, пришитый к внутренней стороне лифчика, где была спрятана большая часть денег. Веки ее отяжелели. Запах пятна от масла для волос был на удивление приятным, приглушенным и пряным. Покачивание поезда было сладостным, гипнотическим, и она погрузилась в сон в море движения.

Утюг

Днем они продолжали собирать картошку. Уэйд попросил своего друга Мартина помочь. Платили ему картошкой. Мартин жил с ними в эти дни, пока Роуз и Томас оформляли документы, чтобы оставить его в качестве приемного сына. Солнце уже опустилось, когда Томас отправил мальчиков умываться. Пересекая поле, он мог слышать, как ругается Ноко. Томас вошел в дом. Роуз орудовала утюгом в другой комнате. Ароматы жарящегося на сковороде мяса перебивал запах только что выглаженной ткани. На столе горела керосиновая лампа. Томас вышел в соседнюю комнату и поцеловал Роуз в шею. От нее пахло гладкой, чистым бельем. Роуз любила гладить одежду сразу после того, как снимала с веревки, еще слегка влажной. На случай, если та становилась слишком сухой, у нее на подоконнике стоял разбрызгиватель – стеклянная консервная банка с дырочками в крышке. Когда она пользовалась ею, а потом прижимала к смоченной ткани утюг, раздавалось медленное шипение и поднималось небольшое облачко ароматного пара. Когда в других домах начали подключать электричество, жена стала заводить речь о гладильной машине. Но у них электричества еще не было. Так что покупать ее не имело смысла. Тем не менее Томас купил ей электрический утюг. Она ревниво хранила его, начищая, как драгоценный трофей. Роуз держала

его в спальне на комодe, где они хранили одежду. Она по-прежнему пользовалась старым утюгом, тяжелым, заостренным с одного конца овалом с ручкой, который ставился на железную раму. А еще утюг хорошо согревал зимой их постель. Но яркий клин нового стального утюга, вознесенного, как маленький божок, к потолку, отражал свет, льющийся из юго-западного окна, и вспыхивал, когда Томас ложился днем отдохнуть.

В доме было чисто и опрятно. Каждая вещь стояла на своем месте. Ничто не было порвано и не болталось на ниточке. Все было в порядке. У Роуз на этот счет имелись жесткие стандарты.

– Папочка, иди есть!

Фи и Шарло вернулись домой с киносеанса, устроенного в школьном спортзале. Они все еще держали в руках пятицентовые пакетики с подсолнечными семечками. Мальчики умоляли их уйти и не путаться под ногами. Роуз поставила перед Томасом тарелку с жареным кроликом и двумя запеченными в золе картофелинами. Еда была посыпана кусочками дикого лука. После ужина он и мальчики слушали по радио репортаж с бейсбольного матча. Потом они приходили и уходили, входили и выходили, так как все пользовались уборной на улице. Томас вытащил из-за двери спальни два свернутых и стянутых ремнями матраса. Потом достал раскладушку, днем прислоненную к ящику для дров. Он развернул матрасы и положил на пол. Постели были застелены с са-

мого утра простынями и одеялами. На шкафу в спальне лежали маленькие плоские подушки. Фи раздала их, и каждый взял свою. Девочкам нравилось уединение на кухне. Ноко спала за дверью на холщовой раскладушке. Большие мальчики помещались валетом на одном матрасе. Когда все устроились, бормоча и вздыхая в темноте, Роуз вошла в спальню. Томас последовал за ней и закрыл дверь. Томас поставил будильник на 11:05, выключил свет. Роуз надела поношенную фланелевую ночную сорочку.

– Мягкая, как шелк, – сказал он, касаясь ее рукава.

– Пфф-ф.

Томас снял рубашку и брюки, повесил их, застегнув вешалкой складки, рядом с кроватью, неподалеку от портфеля, куртки и шапки.

– Мой ланч-бокс в машине?

– Ты всегда о нем спрашиваешь.

– Если бы не твои завтраки, я бы ничего не достиг.

– Он на месте.

– Тогда мне не придется тебя будить.

– Меня поднимет на ноги твой будильник.

– Но ты ведь сразу заснешь, правда?

– Да, – неохотно созналась она.

Роуз отвернулась. Через несколько секунд она уже спала. Томас лежал без сна. Он протянул руку и прошептал: «Моя старушка». Тепло ее тела аккуратно передавалось ему под одеялом и согревало правый бок. Левый оставался холод-

ным. Тепло от плиты в спальню не проникало. В очень холодные ночи Роуз стелила на кровать дополнительное одеяло и позволяла мужу прижиматься к своей спине. Во сне она разгорячилась, точно так же, как иногда вступала в жаркие споры. Она могла бы согреть его прямо сейчас. Его понемногу стала одолевать дремота – по мере того как опускалась темнота. Курильщик дважды гавкнул, давая понять, что вернулся после вечерней каши в доме Бибуна. Он пришел домой за вторым ужином, оставленным для него снаружи в помятой кастрюльке. Если бы ночью кто-нибудь поднялся по ступенькам их дома, Курильщик просто бы зарычал, не вставая, узнав гостя, словно говоря: «Привет, я здесь». Но он выскочил бы в неистовом желании защититься, если бы к нему приблизился незнакомец. У Курильщика был очень сильно развит инстинкт охраны хозяйского крыльца.

Томас проснулся в 11:04 и выключил будильник до того, как тот зазвонил. Вставая на работу, он любил петь старый призыв, которым бродяги поднимали на ноги своих собратьев: «Выползайте, змеи, из своего болота, уже рассвело». Во всяком случае, сейчас он исполнил его мысленно. Он натянул брюки, завязал шнурки на рабочих ботинках и схватил портфель. Затем пробрался в темноте меж спящих детей и медленно открыл входную дверь. Прежде чем выйти, он сказал: «Ух, ура! *Бизаан! Миш эта го ниин омаа аяаяан. Нинга-мааджибиз эндажи-анокияан*». Пес понял эти сло-

ва, произнесенные на чиппева, и завилял хвостом, когда Томас спустился с крыльца. Едва приобретя автомобиль, Томас проложил вокруг дома кольцевую подъездную дорожку, чтобы ему не приходилось выезжать задним ходом. Он не включал фары, пока не оказался далеко от дома. На индейской подъездной дороге царила кромешная тьма. Луна спряталась за облаками. Единственный дворовый фонарь горел на большой ферме, и его свет отражался от серебристого силосного хранилища. Он проехал через поселок, а затем покинул резервацию. На этом участке, выехав на шоссе, он почувствовал сильное беспокойство. Ему казалось, что его сердце пронзают длинные острые иглы. Он вспомнил отца и то, как они вдвоем сидели в лучах заходящего солнца, впитывая ускользящее тепло.

«Ты никогда не сможешь до конца насытиться теми, кого любишь, – подумал Томас, медленно потирая грудь, чтобы унять боль. – Бибун со мной, он дотянул до глубокой старости, но я жаден. Я хочу, чтобы он жил еще дольше».

Его напряжение ослабло, когда он поехал дальше. Но потом в нем поднялось еще более острое чувство. Оно породило в нем желание остановить машину, выйти, но что потом? Он взглянул на портфель. Там лежали бумаги, которые дал ему Мозес. В течение нескольких дней он пытался разобраться в этих документах, понять их значение. Чтобы уловить смысл изложенных в них невероятных намерений. Невероятных, потому что немыслимое было сказано

безобидным сухим языком. Невероятных, потому что намерение авторов состояло в том, чтобы в конце концов уничтожить, отказать в признании. Стереть с лица земли как индейцев его самого, Бибуна, Роуз, его детей, его народ, *сделать всех невидимыми, как будто их никогда здесь не было, с самого начала, именно здесь.*

Портфель лежал на пассажирском сиденье и казался тяжелым. Зудящее ощущение страха усилилось. Томас заехал на стоянку. Хлопанье дверцей машины никогда не переставало вызывать в нем чувство удовлетворения. Он прошел несколько шагов без портфеля, затем повернулся, наклонился к машине, выдернул его и прижал к себе. Но он не заглядывал в него до глубокой ночи, пока не открыл ланч-бокс и не взял сэндвич из чистой старой красной банданы, в которую тот был завернут. Он налил в крышку термоса черной «целебной воды». Ему требовалось отхлебнуть кофе, откусить кусочек подрумяненной и подсоленной лепешки с хрустящей корочкой, пока он будет снова и снова перечитывать бумаги. Эти маленькие удовольствия придавали сил.

Он работал ночным сторожем уже семь месяцев. Вначале свои обязанности на посту председателя Консультативного комитета Черепашьей горы он выполнял в конце дня и по вечерам. После работы он спал почти каждое утро. Когда ему везло, как сегодня, он даже успевал еще немного вздремнуть, прежде чем ехать на завод. Но время от времени правительство вспоминало об индейцах. И когда оно это де-

лало, то всегда пыталось *решить проблему* индейцев, подумал Томас. Оно решает наши проблемы, избавляясь от нас. И сообщает ли оно нам, когда планирует от нас избавиться? Ха и еще раз ха. Он не получал от правительства никаких известий. Лишь прочитав «Майнот дейли ньюс»⁴⁵, он понял: что-то случилось. Затем Мозесу удалось получить соответствующие бумаги у своего знакомого в Абердине. Драгоценное время потребовалось даже для того, чтобы получить подтверждение или прочесть подлинную резолюцию палаты представителей, в которой, как сказал ее автор, говорилось, что племя индейцев чиппева с Черепашьей горы было выбрано конгрессом Соединенных Штатов для *эмансипации*. Так в Америке некогда называли освобождение чернокожих рабов. *Э-ман-си-пация. Эман-сипация.* Это слово не переставало звенеть у него в голове. Эмансипированный. Но они не рабы. Идея заключалась в том, чтобы освободиться от всего, что делает их индейцами. Освободиться от своей земли. Освободиться от договоров, которые подписали отец и дед Томаса и которые, как им обещали, должны длиться вечно. Таким образом, избавившись от индейцев, правительство могло *решить* и индейскую проблему.

За одну ночь работа председателя совета племени превратилась в борьбу за то, чтобы оставаться проблемой. Чтобы не дать ее решить.

⁴⁵ «Майнот дейли ньюс» – американская ежедневная газета, выходящая в городе Майнот, штат Северная Дакота.

Ящик из-под фруктов

Барнс видел, как она снова исчезла в листве. Она шла бо-сиком. Он нашел это очаровательным. И очень подходящим для милой индейской девушки. Еще в детстве он видел таких на фотографиях. На рекламных щитах. Ярких наклейках на ящиках из-под фруктов и коробках из-под молочных продуктов. Прелестная индейская девушка с развевающейся бахромой на одежде из оленьей кожи. Она могла бы держать в руках тыкву, яблоки, персики, огурцы. Она могла предлагать маленький брусок масла. Возможно, воспоминания об этих фотографиях отчасти повлияли на его решение приехать в резервацию, оставив типографию родителей в Де-Мойне⁴⁶. Кроме того, после окончания средней школы ему пришло в голову, что на самом деле ему не слишком хотелось продолжать работать в типографии. Он любил математику. Деление больших чисел столбиком с самого начала завоевало его сердце. Барнс жаждал каждого нового уровня математических знаний. Даже сейчас, если бы он не занимался боксом, он возился бы с полиномами⁴⁷. Числа помогали ему в течение всего дня. Он подмечал их связи, повторения. Из

⁴⁶ Де-Мойн – столица штата Айова.

⁴⁷ Полином, или многочлен, – одна из базовых алгебраических структур, которая встречается в школьной и высшей математике. Изучение полинома является важнейшей темой в курсе алгебры.

номерных знаков и телефонных номеров он составлял уравнения. Даже бокс основывался на количестве минут, раундов, очков. Номера также были связаны с людьми. Он видел Пикси похожей на число 26, хотя ей было всего 19 лет. Но ему нравились взмах двойки и улитка шестерки. Они шли ей. У него было особое чувство к двум в шестой степени. Увы, дальше этого дело не шло. Он лишь однажды мимоходом заговорил с ней и ждал подходящего момента, чтобы представиться.

Он подумал, что мог бы пойти к ней домой. Было бы это странно? Возможно. Вероятно. Но он ждал случая, чтобы столкнуться с ней, ждал так сильно, что посещал места, куда она могла бы зайти, возвращаясь с работы. Он стал бывать в магазине, где все товары стоили по десять центов. В торговом центре. В кафе «У Генри». Но ему не везло. Однажды вечером, когда дороги в округе подсохли, включая подъездную дорожку, ведущую к ее дому, он подвез Поки после тренировки. Когда Поки вышел из машины, Барнс вылез за ним следом.

– Хочу поздороваться с твоими родителями. Я с ними еще не знаком.

Поки повернулся и уставился на Барнса. Потом он закрыл рот, шагнул вперед, но ничего не сказал.

Поки надеялся, что его отец не вырубился во дворе. Он знал, что Патрис сейчас едет на поезде, и упомянул об этом.

– Это просто замечательно, – скрыл разочарование

Барнс. – Надеюсь когда-нибудь рассказать ей о твоём прогрессе.

Поки промолчал, но подумал: «На самом деле тебя интересует прогресс, которого достиг ты. Или пытаешься достичь».

Поки распахнул дверь. Когда Барнс нырнул в нее, он был потрясен. Он не сразу понял, что вошел в дом. Это место показалось Барнсу грубым убежищем для животных. Стоящие вертикально одна к другой жерди стен были обмазаны бледно-желтой глиной. Но затем, немного привыкнув к тусклому свету, он обратил внимание, что о жилище заботились. Стол был выскоблен и чисто вымыт. На нем стояла зажженная керосиновая лампа. За ней сидела женщина, перед которой лежало то, что он сперва принял за тяжелый рулон бумаги, но потом понял, что это береста. Позади стола стояла небольшая дровяная печь, на которой дымилась железная кастрюля с тушеным мясом. Барнс распознал по запаху перченное рагу из оленины, приготовленное с ягодами можжевельника и дикой репой. Поскольку это было фирменное блюдо Джагги, у него потекли слюнки. Не говоря ни слова, женщина встала, наполнила тушеным мясом две жестяные миски и поставила их на стол. Потом она положила ломоть лепешки, а между мисками поставила небольшую сковородку с жиром. Рядом с мисками она положила две ложки.

Барнс сел рядом с Поки и принялся за еду. Женщина не улыбнулась. Она начала говорить с Поки на своем язы-

ке, а затем жестикулировать, медленно и отчетливо. Барнс был впечатлен ее руками – может, дело заключалось в числе пальцев на них. У нее не хватало мизинца на одной руке. На другой торчал дополнительный пальчик – идеальный большой палец. Ее пальцы росли неправильно, однако все равно в сумме получалось десять. Это лишило Барнса присутствия духа – до такой степени, что он начал испытывать сильный дискомфорт – и после тушеного мяса попросил Поки поблагодарить мать. Он хотел объяснить ей, что рагу показалось ему восхитительным, и даже чуть не потерял живот, но вовремя спохватился.

– Мама хочет знать, зачем ты пришел, – перевел Поки.

– Просто навестить. Сказать, что ты выполняешь работы по математике на четверку с плюсом. Это очень хорошо.

Барнс кивнул и улыбнулся, пытаясь поймать взгляд матери. К его разочарованию, та отводила глаза или смотрела мимо него, в пол. Она, казалось, слушала, но он не мог сказать, как много она поняла. Сказав все, что мог придумать, он стал ждать. Ничего. Она отхлебнула чаю. Через некоторое время она кивнула Поки и что-то сказала. Поки снова наполнил жестяную миску Барнса. Барнс съел еще одну порцию тушеного мяса. Потом они сидели вместе при свете мерцающей лампы. Наконец она снова заговорила с сыном. Поки нахмурился, уставившись на стол.

– В чем дело? – спросил Барнс.

– Она благодарит. Но она знает, что ты пришел не за этим.

Барнсу было трудно не пялиться на руки матери, и ему было стыдно, что он не может поддержать разговор. Эта ситуация сильно отличалась от картинок на ящиках с фруктами, но он надеялся, что справляется с ней. Как будто он попал в другое время, время, о существовании которого не подозревал, в неудобное время, когда индейцы совсем не были похожи на белых людей.

– Может, мне лучше уйти, – пробормотал он.

– О'кей, – отозвался Поки.

Мать что-то проговорила.

– Поки! Что она сказала?

– Так, ничего.

– Пожалуйста. Что?

– Ну, ладно. Она сказала, что ты не нравишься Пикси.

– Что? Откуда она знает? Как так? Спроси ее.

Поки заговорил с матерью. И снова он, казалось, поколебался, стоит ли ему переводить, но в конце концов смягчился:

– Она говорит, ты не нравишься Пикси, потому что от тебя плохо пахнет.

Барнс был совершенно потрясен. Он поднялся на ноги и стоял, пошатываясь, под низкой крышей.

– Скажи маме, что я благодарю за тушеное мясо, – промямлил он.

– О'кей, – ответил Поки.

Барнс вышел из дома и побрел по темной тропинке к сво-

ей машине.

– Ну и дела, мама, – проговорил Поки, когда дверь закрылась. – Ты оскорбила учителя.

– Мне пришлось, – ответила Жаанат по-английски. – Она сказала мне, что он ей не нравится. Хотя и не совсем потому, что от него дурно пахнет. Она хочет, чтобы он оставил ее в покое.

– Почему ты ему этого не сказала? Теперь он просто станет чаще мыться и подумает, что проблема решена.

– Даже если он помоется, от него все равно будет пахнуть так же, как от них. Он никогда не сможет этого смыть. У их пота резкий запах.

– О, так ты думаешь, он поймет, что у него нет шансов пахнуть хорошо? Значит, он сдастся?

Жаанат кивнула, как будто это было очевидно.

– Ма, боже! Он так не думает. Он думает, это мы плохо пахнем.

– *Гавиин гегет!* Конечно, нет! – произнесла Жаанат возмущенным голосом.

Место в поезде

На каждой остановке в вагон заходили другие люди. Никто не сел рядом с Патрис, но вскоре почти все места были заняты. Блондинистый мужчина со светлыми ресницами, который напомнил ей Барнса (многие мужчины в поезде или на вокзале напоминали ей Барнса), шел по проходу. Он взглянул на сиденье рядом с ней, и Патрис закрыла глаза. Она сидела, прислонившись к окну. Виском она ощущала прохладу стекла. Патрис почувствовала, как мужчина всем весом опустился на сиденье, и услышала, как он разговаривает с женщиной, которая отошла в сторону. Человек рядом с Патрис несколько мгновений сидел неподвижно, а затем легонько хлопнул ее по руке. Пораженная, она замерла и никак не отреагировала.

– Эй, моя жена на борту. Она поменяется с тобой местами.

Патрис не открывала глаз. Может быть, если бы он не ударил ее по руке, если бы попросил вежливо или извинился за то, что якобы ее разбудил, она бы поменялась местами. Но вместо этого она решила погрузиться в холодное и замкнутое состояние, из которого ее никто не выведет. Он снова ткнул ее в руку.

– Эй, – сказал он громче. – Я сказал, моя жена поменяется местами.

Патрис нахмурилась, как будто ее сон оборвали, затем по-

вернулась к нему плечом и глубже вжалась бедрами в обивку. По проходу шел кондуктор. Он уже пробил ее билет, поэтому не стал ее будить. Когда кондуктор взял билет у мужчины с блондинистыми волосами, тот проворчал:

– Я бы хотел, чтобы жена сидела рядом со мной. Она поменяется местами с этой женщиной.

– Мисс, – покачал головой кондуктор. – О, мисс.

– Я поменяюсь, – тихо произнес где-то рядом мужской голос.

Патрис заставила себя впасть в упрямое оцепенение.

Первый мужчина поднялся.

– Ну да. Два сапога пара, – съязвил он.

Его место занял другой мужчина. Патрис показалось, будто она бредет вдоль каких-то странных холодных стен. Измученная, она провалилась в короткий сон. Прежде чем открыть глаза, она почувствовала, что кто-то за ней наблюдает. Когда она села и огляделась, то увидела, что это Лесистая Гора.

– Привет, Пикси.

Она забыла сказать ему, чтобы он называл ее Патрис, потому что была очень рада видеть кого-то из родных мест. Поездка на поезде длилась всего час, а она уже скучала по дому. Ей захотелось, чтобы нынешнее приключение скорее закончилось.

– Куда ты едешь? – спросила она.

– В Фарго. У меня там будет бой. Возможно.

Его волосы были недавно подстрижены, смазаны маслом и завитками ниспадали на лоб.

– Тем вечером ты был хорош. Должен был победить.

– О, так ты была там?

Он прекрасно знал, что она там была вместе с его двоюродным братом. Из-за этого ему хотелось победить еще больше. Он чувствовал на себе их взгляды.

– Да, хронометрист сжувничал. А ты был хорош, – снова заявила она.

– Да, Барнс так и сказал.

Патрис кивнула. Барнс.

– Он всегда тебя расхваливает. Он тебе нравится?

– Нет.

– Как такое может быть? Что с ним не так?

– С ним все в порядке.

– Значит...

– Разве только потому, что с ним все в порядке, он должен мне нравиться?

– Наверное, нет.

Они сидели, ощущая неловкость. Кондуктор объявил следующую остановку, недостаточно долгую, чтобы по-настоящему пообедать на станции. Патрис взяла с собой немного еды, чтобы сэкономить деньги. Она достала свое желтое ведерко и сняла крышку. Там был пеммикан⁴⁸ Жаанат – с мя-

⁴⁸ Пеммикан – мясной пищевой концентрат. Применялся индейцами Северной Америки в военных походах и охотничьих экспедициях.

сом оленя, сладкими ягодами можжевельника, мускусными ягодами ирги, засахаренным жиром. Все эти ингредиенты были высушены и растерты в порошок. Лесистая Гора взяла небольшую пригоршню. Патрис взяла щепотку.

– Сытная вещь – пеммикан, – проговорил Лесистая Гора.

– Я на него рассчитываю, – отозвалась Патрис. – Я еду в город искать сестру.

– Я об этом слышал. А как насчет твоей работы?

– Валентайн отдала мне свои дни.

– Достойный поступок.

Его замечание не предусматривало дальнейшей беседы, а только требовало согласия, и они продолжили ехать молча, пока поезд не остановился.

– Давай выйдем и разомнем ноги, – предложил Лесистая Гора.

– Я не хочу терять свое место, – возразила Патрис.

– Если тот парень снова попытается его занять, я его проучу.

– Тогда я остаюсь. Никаких драк из-за меня.

Лесистая Гора вышел из поезда и принялся бегать взад и вперед по перрону. Патрис положила свое пальто на сиденье рядом, чтобы никто его не занял, но все же, когда в вагон зашли новые пассажиры, маленькая жилистая женщина остановилась у кресла, кивнула и спросила:

– Чье пальто?

– Его, – ответила Патрис, кивнув в сторону Лесистой Го-

ры, стоящего в проходе.

Женщина нахмурилась из-за несоответствия между синим, явно женским пальто и рослым крепким индейцем, но пошла дальше. Лесистая Гора сел. Он все еще переводил дыхание. Его волосы были взъерошены. Он пригладил их, а потом прихлопнул всей пятерней.

– Бег с ускорением, – пояснил он.

– Что это такое?

– Специальное упражнение, стремительный переход от ходьбы или медленной трусцы к быстрому бегу.

– В нем есть смысл. Оно, верно, помогает тебе делать стремительные броски во время боя.

Он был удивлен, что она сразу все поняла. Патрис спросила его о других способах тренировки. Лесистая Гора открыл ей, что у него есть холм, на который он взбегают около сотни раз каждый день. Потом он рассказал о канистрах, наполненных песком и заваренных. О прыжках через скакалку и о небольшой боксерской груше для отработки быстрых ударов, которую он повесил на ветку дерева. Он старался не упоминать имени Барнса, ибо в том, что он ей не нравился, было нечто особенное. Он это чувствовал. Но он был не из тех, кто с легкостью дает имена различным явлениям. Или пытается найти их причину. Его чувства были подобны погоде. Он просто страдал от них или наслаждался ими. Вот и теперь Патрис достала из сумочки маленький складной ножик и сняла крошечную стружку с куска коры в форме боль-

шого пальца. Потом она сложила перочинный ножик и сунула стружку в рот. Она разжала руку: на ладони лежала еще одна ароматная стружка.

– Угощайся.

Он подержал кусок коры за одной щекой, потом за другой, позволяя мягкому вкусу специи наполнить рот.

– Что это за штука?

Она покачала головой:

– Это... Я не знаю, как назвать. Мисванагек.

– Какое-нибудь лекарство?

– От спазмов.

– Каких спазмов?

Он посмотрел на нее. Она отвернулась, вздрогнув от своих мыслей, и пробормотала:

– Мышечных спазмов!

– Я понял.

Он спрятал улыбку, словно ничего не заметил.

– Ты можешь заварить эту кору, как чай. Чай лучше.

– Итак, куда ты отправишься, когда доберешься до города?

– У меня есть парочка адресов.

– Адресов, по которым проживает сестра?

– Нет.

– Значит, план состоит в том, чтобы ходить по улицам, пока ты на нее не натолкнешься?

– Возможно.

– Этот план не годится.

– Может, и так. Но что мне делать? Пойти в полицию?

– Не совсем.

– Как это?

– Тебе нужна не-полиция. Извини, что я так выразился.

Твоя сестра могла попасть в беду. Так что, я хочу сказать, иди к королям дна.

– О, хорошо, но я не знаю, как мне их найти...

– Пена поднимается на поверхность. Просто оглянись вокруг. Найди сомнительных личностей, которые отвечают за разные вещи.

– Какие вещи?

Он не так уж много знал о Пикси и не был уверен, как далеко можно зайти, отвечая на этот вопрос.

– Не слишком хорошие, – произнес, наконец, он.

– Алкоголь?

– Да.

– Что еще может быть плохого?

Он пристально посмотрел на нее. Она просто хотела знать.

– Ты меня беспокоишь, – сказал он.

Билль

Обеспечить прекращение федерального надзора за собственностью индейцев чиппева из племени Черепашьей горы в штатах Северная Дакота, Южная Дакота и Монтана, а также отдельных его членов, для оказания помощи в упорядоченном переселении таких индейцев в районы с большими экономическими возможностями, равно как и для других целей.

Вот оно, это слово «прекращение», оно встретилось в первой же строке сухого первого предложения и мгновенно заменило в сознании Томаса слово «эмансипация» с его мощной аурой пространства. В газетах автор билля окружал свой законопроект облаком возвышенных слов – эмансипация, свобода, равенство, успех, – которые скрывали его истину: прекращение. Прекращение. Требовалось добавить всего одно слово: бытия.

Ветер заставлял дребезжать металлические жалюзи на окнах завода. Томас натянул куртку. Он окончил восьмой класс лишь в восемнадцать лет, потому что ему приходилось работать с отцом. Они собирали урожай и опять засевали поля, пропалывали сорняки и потели под безжалостным солнцем. Однажды летом он выкопал колодец. Закончив восьмой

класс, Томас попытался заняться самообразованием, в основном читая все, что мог найти. Когда ему требовалось успокоить разум, он открывал книгу. Любую книгу. Потом он всегда чувствовал себя отдохнувшим, даже если книга оказывалась плохой. Так что не слова в остальной части законопроекта мешали пониманию, а то, как они были соединены одно с другим.

Сенат и палата представителей Соединенных Штатов Америки, объединившись в составе конгресса, утверждают, что цель данного Закона состоит в том, чтобы обеспечить прекращение федерального надзора за трастовой и ограниченной собственностью племени чиппева Черепашьей горы в Северной Дакоте, Южной Дакоте и Монтане и улучшить распоряжение собственностью, находящейся в федеральном владении, приобретенной или изъятой для управления делами таких индейцев, а также активизировать упорядоченную программу содействия переселению и размещению таких индейцев в самодостаточной экономике с тем, чтобы федеральные обязанности и надзор в отношении таких индейцев могли быть прекращены, поскольку в этом нет больше необходимости, и прекратить оказание федеральных услуг, предоставляемых таким индейцам вследствие их статуса индейцев.

Томас отбросил страницы. Сделал обход. Потом собрал бумаги, разложил их по порядку и засунул обратно в порт-

фель. У него не находилось ответа. Осталось чувство пустоты, гудения, а также ощущение, будто тело превратилось в барабан. Что любой может постучать в него и извлечь звук. И что этот звук, каким бы вызывающим он ни был, окажется бессмысленным. И что завладевший барабанными палочками знал это и был безжалостен. Он будет бить и бить, пока шкура Томаса не порвется.

Кто был этот человек? Человек, бьющий в барабан? Кто составил законопроект? Томас хотел узнать ответ на этот вопрос.

В то же утро Томас сделал дорогой телефонный звонок своему старому другу и приятелю по школе-интернату Мартину Кроссу. Мартин был председателем совета племени в Форт-Бертольде, резервации на западе Северной Дакоты, которую населяли племена мандан, арикара и хидатса, родное племя Мартина. Из воспитанника школы-интерната Мартин превратился в источник мудрости и выдающегося борца за права индейцев. Мартин сказал ему, кто бил в барабан: Артур В. Уоткинс.

– Он самый влиятельный человек в конгрессе, – добавил Мартин Кросс.

– Это нехорошо.

– Именно так. И я не знаю, имеет ли это значение, но он мормон.

Томас помолчал. То, что сказал Кросс, показалось ему смутно знакомым.

– Ты знаешь кого-нибудь из мормонов? – спросил Мартин Кросс.

– Не думаю.

– Они еще до тебя не добрались. Но погоди, они наведаются к тебе в гости. Это в их религии – превращать индейцев в белых.

– Я думал, это проделки правительства.

– Это записано в их священной книге. Чем больше мы молимся, тем легче мы становимся.

– Я мог бы сбросить несколько фунтов.

– Я не в том смысле, – засмеялся Мартин. – Мормоны думают, что, если ты последуешь их примеру, твоя кожа обесцветится. Они называют это легким и радостным.

– Им придется потрудиться над твоей жесткой старой шкурой.

– И над твоей тоже.

Томас прервал разговор, вспомнив, что племя разорено. На самом деле его финансовое положение было даже еще хуже, чем он думал, когда брался за работу, за которую ему полагалось платить тридцать долларов в месяц. В действительности он еще ни разу не заплатил сам себе. Но зато он теперь знал, как зовут сенатора, проталкивающего этот законопроект в конгрессе. Артур В. Уоткинс.

Кто?

Следующим вечером на работе он снова разложил перед собой страницы законопроекта.

Итак, дело дошло до этого, подумал Томас, глядя на нейтральные строки предложений в законопроекте о прекращении действия договоров. Мы пережили оспу, винтовки Винчестера, пушку Хотчкиса и туберкулез. Мы пережили эпидемию гриппа 1918 года и участвовали в четырех или пяти кровопролитнейших войнах Соединенных Штатов. Но, в конце концов, мы будем уничтожены набором скучных слов. *Распоряжение, усиление, прекращение, обеспечение* и так далее.

Он вернулся за свой стол, только что пробив на карточке время – два часа ночи. Как давно он в последний раз хорошо спал? Где это было? В старом доме. Он отложил газету и начал писать Арчи: *«Как ты знаешь, мама взяла на себя заботу о талантливом и многообещающем парнишке. Мартин для Уэйда – кто-то вроде алтарного мальчика-служки. Я не хочу показаться кощунственным, но когда я вижу Мартина, стоящего рядом с Уэйдом в его ботинках или работающего рядом с ним вилами или лопатой – не важно, чем именно, – я не могу не вспомнить, как в давние времена сам прислуживал во время Святой Мессы. Мартин, кстати ска-*

зять, внимательно слушает Уэйда и на днях утром сказал мне, что Уэйд постоянно упоминает, как я на работе пробиваю часы. С печальным взглядом Мартин заметил: “Со всеми этими пробиваниями часы, должно быть, уже разлетелись на сотню кусочков!”»

Томас подпер голову руками, прикрыв глаза. Следующее, что он помнил, было его внезапное пробуждение. В голове все плыло, пульс участился, и он был уверен, что кто-то пытался проникнуть на завод. Он выключил настольную лампу и взял стальной электрический фонарь, который мог пригодиться в качестве дубинки. Он не стал пробивать время на карточке, потому что щелчок отозвался бы эхом. Он бесшумно пересек основное помещение и вошел в комнату кислотной промывки. Он всегда думал, что, вполне возможно, кто-то, вообразив, что используемые на производстве камни – обычные драгоценные камни, может проникнуть на завод в надежде найти несметные сокровища. У него были фонарь и ключи. Он мог бы огреть грабителей фонарем и расцарапать их лица ключами. Но, скорее всего, они его одолеют, свяжут и швырнут в туалет. Он надеялся, что его голова не ударится об унитаз. Если он не сможет думать и рассуждать, ему не удастся противостоять законопроекту.

Томас медленно крался вперед и везде находил завод пустым. Гудит там, где должно гудеть. Тихо там, где всегда было тихо. Гул и грохот в обычных местах. Затем он вошел в темный цех и увидел большую серебряную дугу белой со-

вы, припавшей к окну, расправив крылья. Она стучала клювом по стеклу, воюя с собственным отражением. Небо за совой было черным, безлунным, усеянным сверкающими звездами. Взволнованный, он нащупал ключи, а затем на цыпочках вышел на улицу, чтобы лучше разглядеть сову.

– Кто? – ухнула сова.

Он медленно обошел здание снаружи. Полярная сова повернула голову, чтобы посмотреть на него, затем вытянула оперенную лапу и согнула черные когти. Птица казалась раздраженной, моргнула, строго посмотрела на Томаса и, подозрительно клюнув в последний раз своего стеклянного соперника, начала чистить перья. Томас долго наблюдал за ней, прежде чем она беззвучно взмыла вверх. Он постоял еще мгновение, ожидая увидеть, куда сова полетит. Но та исчезла, ее засосало черное небо. У Томаса не было ни куртки, ни сигары, поэтому он вернулся на завод и пробил время на карточке. Рядом с указанным временем он написал: *«Вышел на улицу, чтобы ответить на вопрос полярной совы: “Кто?” Сова улетела, не получив удовлетворительного ответа».*

Индийская шутка

Уолтер Волд поправил очки для чтения и внимательно вгляделся в табельную карточку. Полярная сова! Он передал карточку обратно через стол Дорис Лаудер.

– Типичная индийская шутка, – покачал головой Волд.

Он заметил, что секретарша совсем перестала пользоваться духами. Что она отодвигалась, когда он пытался приблизиться. Когда он подходил ближе, чувствовал, что от нее странно пахло плесенью.

– Как так? – спросила Дорис. – Не понимаю.

Она обтерла руки мокрой затхлой тряпкой из-под раковины. Она проделывала подобную процедуру каждый день. Она была готова терпеть неприятный запах, лишь бы он не принюхивался к ней всякий раз, когда она проходила мимо.

– Как бы это сказать...

Волд демонстративно постучал себя по подбородку, твердо, как бронза.

– Сюда подойдет слово... слово...

К его облегчению, подходящее слово все же пришло к нему в голову:

– Загадочно.

– О. Я все же не понимаю.

Дорис забрала карточку с расписанием обходов пахнувшими плесенью пальцами и снова изучила написанные на ней

слова. Лабатт поджидал за дверью с мусорной корзиной, которую ему предстояло опорожнить в большой мусорный бак. Волд взял карточку из рук Дорис.

– Мистер Лабатт, – позвал Волд, кивая и жестикулируя, как будто подавал сигнал самолету, – пожалуйста, зайдите в мой кабинет и кое-что проясните.

Вошел Лабатт, круглым животом вперед, с видом эксперта. Волд передал Лабатту табельную карточку Томаса Вазашка.

– Мисс Лаудер любопытно, что это значит, – обратился к нему Волд.

Лабатт поднес карточку к глазам, потом отвел руку подальше от лица и нахмурился, произнося слова одними губами. Он посмотрел на них обоих и принял вид знатока:

– Это значит, что Томас Ондатра вышел на улицу выкурить сигару. Иногда он курит сигары марки «Полярная сова». Я бы предположил, что его заперли снаружи и ему пришлось вернуться через окно. Или он мог пройти прямо сквозь стену, как сквозь туман.

Лабатт ушел, смеясь. Волд и Дорис тоже засмеялись.

– Очень забавно! Прошел сквозь стену, как сквозь туман. Вот уж действительно типичная индейская шутка!

Лабатт перестал смеяться, как только вышел за дверь, и загромыхал тележкой по коридору. Его глаза вылезли из орбит, когда он повез ее еще быстрее. Упоминание о сове

было слишком тревожным. Если Томас видел сову, это означало смерть. Скорую. Лабатт перебирал в уме списки людей, которые могли умереть. Людей, против смерти которых он не возражал бы. Людей, против смерти которых он очень бы возражал. Людей, смертью которых он был бы сильно напуган, и та вызвала бы у него боль в сердце. А потом, оставался и он сам, в некотором смысле очень близкий Томасу человек, так как они вместе ходили в школу и иногда пересекались на работе. Да, он был достаточно близок Томасу, чтобы стать жертвой. К тому же он чувствовал за собой вину и ему могло грозить наказание.

Очень тихо он пробормотал, обращаясь к пустому коридору:

– Помоги мне, Родерик.

Кто?

Томас принадлежал к поколению «после-буйвола-кто-мы-теперь». Он родился в резервации, вырос в резервации и предполагал, что там же и умрет. У Томаса были часы. Но он забывал ими пользоваться, ориентируясь только по солнцу и луне. Родным он считал свой древний язык, но также говорил по-английски – с мягким выговором и с почти незаметным акцентом. Этот акцент мог принадлежать только людям его поколения. Эта одновременно мягкая, но в то же время твердая манера говорить ныне была утрачена. Его поколению требовалось определиться с тем, кто они такие. Кто такой индеец? Что означает это слово? Кто он, кто, кто? И каким образом это проявляется? Каким должно быть отношение индейцев к этой стране, которая завоевала их и всеми возможными способами пыталась поглотить? Иногда страна все еще активно ненавидела индейцев, это правда. Но теперь все чаще появлялось мощное восхитительное ощущение. Войны. Гражданство. Флаги. Этот законопроект о расторжении договоров. Артур В. Уоткинс считал, что он будет принят для их же блага. Чтобы поднять их до его уровня. Даже открыть им врата рая. Как могли индейцы держаться особняком, когда победители то и дело протягивали им руки, чтобы прижать их к сердцу с чем-то похожим на любовь?

Флаги

В тот год его отец выглядел особенно изможденным, с выступающими скулами. Томас всегда был голоден. Тогда они дошли до еды, которая бывала на их столе лишь в самом отчаянном положении, – кусочков лепешки, намазанных оленьим жиром. В дневной школе резервации кормили только один раз в день. Государственная школа-интернат славилась трехразовым питанием. Она находилась в дне езды на повозке, и то если вы отправились туда задолго до рассвета. Мать Томаса, Джулия, или Аван, плакала и прятала лицо, когда он уходил. Она разрывалась от противоположных чувств – может, лучше подстричь ему волосы самой? В школе ему все равно подстригли бы волосы. А подстричь волосы означало, что кто-то умер. Это был способ выразить скорбь. Как раз перед тем, как отцу с сыном предстояло уйти, она поднесла нож к косе. Она повесила бы ее в лесу, чтобы правительство не смогло задержать сына надолго. Чтобы он вернулся домой.

И он вернулся.

Первое, что Томас заметил в школе, были встречающиеся повсюду полотнища полосатой ткани – красной и белой. На ней встречался и синий цвет.

Флаги.

Они были повсюду, свисали с шестов, были приколоты

к воротникам, окружали школьные доски, висели над дверями. Сначала он подумал, что это украшения. Учитель показал ему, что он должен положить руку на сердце и повторять слова, которые уже знали другие дети. И все это время смотреть на флаг. Томас повторял слова учителя, хотя и не понимал, о чем она говорит. Постепенно звуки в его сознании обрели форму. И еще позже в их рисунок добавились новые кусочки и детали. Он пробыл в школе несколько месяцев, прежде чем расслышал фразу *«флаг, за который стоит умереть»*, и его медленно пробрал озноб.

«Лесной затор 26»

Когда поезд прибыл в Фарго, Лесистая Гора попросил Патрис записать ему имевшиеся у нее два адреса.

– Зачем?

– Затем, что ты еще ребенок. Я имею в виду, не приспособлена к городской жизни. А так я смогу найти твой след в случае, если ты пропадешь.

– Не бойся, я не заблужусь.

– В лесу. Вместе со своей корой от спазмов.

– Я бывала в поселке.

– Тут большой город, Пикси.

– И что ты о нем знаешь?

– Я о нем знаю больше, чем ты. Однажды я навещал тут сестру. Несколько раз мне приходилось драться.

– И ты хоть раз вышел победителем?

– Нет.

– Жалко, что так. Ладно, вот тебе адреса, куда я направляюсь.

Пикси – Патрис – написала адреса на клочке газеты. Она не сказала ему об адресе на случай чрезвычайной ситуации. Бернадетт была его единоутробной сестрой. Лесистая Гора сунул клочок бумаги в карман. Поднявшись, он посмотрел на нее сверху вниз. Не раздумывая, как будто это было вполне естественно, он попробовал улыбнуться так, как частень-

ко практиковался в зеркале для бритья. О, и она ответила, разве нет? Посмотрела на него с удивлением. Он почувствовал на себе ее взгляд, когда отвернулся. Потом она наблюдала, как он идет по проходу вагона и высаживается...

Она подумала: что это было? Эта улыбка? Как будто он позаимствовал ее с киноафиши какого-то дешевого фильма. Улыбка, похожая на тесто в ее ведерке с обедом – грустная и сырая. Не пропеченная даже наполовину. Патрис откинулась на спинку кресла, достала ведерко с едой и взяла из него несколько щепоток пеммикана, глядя в окно на центр Фарго. Бар «Империя»⁴⁹. Потом она увидела идущего Лесистую Гору. Он шел, размахивая спортивной сумкой. Если он войдет в бар, она больше никогда с ним не заговорит. Он прошел мимо.

Ладно, может, когда-нибудь, подумала она, и поезд тронулся.

Она спала так крепко, что узор на обивке сиденья отпечатался на щеке. Когда она проснулась и поднесла пальцы к лицу, то почувствовала на нем ямочки, оставшиеся от жесткой ткани. Поезд проделал уже долгий путь и теперь проезжал через Сент-Клауд⁵⁰. Совсем скоро она приедет в Миннеаполис. Жилистая дама сидела рядом с Патрис, бойко работая

⁴⁹ «Империя» стал одним из первых баров, открытых в Фарго после сухого закона (действовал в США с 1920 по 1933 г.).

⁵⁰ Сент-Клауд – город в штате Миннесота, США.

узкими серебрястыми спицами, которыми из похожей на белую пену пряжи вязала напоминавшее паутину детское одеяльце. Его изящные складки струились вниз и собирались лужицей у нее на коленях. Патрис отвернулась, но дама заметила, что она не спит, и представилась:

– Битти.

– Патрис.

– Что привело вас в Города?

– Я ищу свою сестру и ее ребенка.

– О-о-о? – отозвалась Битти, и ее щеки задрожали, когда она это произнесла.

Она была плоской изможденной женщиной. Кожа головы просвечивала сквозь бесцветные пряди волос. Ее губы были бледными и тонкими.

– Как поживает ваша сестра? А ее ребенок? Я полагаю, вы собираетесь навестить новорожденного?

Женщина озабоченно поджала губы и, прищурившись, посмотрела на спицы.

– Не совсем так. Она пропала. Я имею в виду, что мы долго ничего о ней не слышали. И я никогда не видела ее ребенка. Я беспокоюсь. Возможно, что-то случилось.

– О, боже мой, нет, нет, нет! Я надеюсь, с ребенком не произошло ничего страшного!

Спицы женщины продолжали двигаться взад и вперед. Их насекомоподобное шелканье усилилось. Внезапно женщина повернулась к ней с таким видом, словно предлагала реше-

ние проблемы:

– Я помолюсь за вашу сестру.

– Спасибо, – поблагодарила Патрис.

Женщина закрыла глаза, но продолжила вязать, не пропустив ни одной петли. Ее губы цвета глины шевельнулись. Нежность заиграла на ее лице. Патрис отвернулась и прикрыла глаза, пытаясь прогнать остатки сна. Когда она обернулась, женщина все еще молилась и вязала. Одеяло стало еще длиннее. Патрис чуть не заговорила, но губы женщины все еще шевелились, и ее бормотание было напряженным, почти слышимым. Патрис снова отвернулась и уставилась в окно. Ровные пышные поля остались позади, сменившись дубовыми рощами и бурными лугами с пасущимися дойными коровами. Вдалеке, с одной стороны, она могла разглядеть скопление высоких коричневых строений. Внезапно вдоль путей выстроились задние двory разрушенных домов, а затем – кирпичные склады. Темп движения поезда замедлился до легкого покачивания, а размеры построек увеличились. Вскоре по обе стороны от путей выросли еще более высокие здания. Потом мимо них, всего в нескольких дюймах, промчался еще один поезд, как во сне. Наконец поезд замедлил скорость до ползучего хода и въехал в сооружение, полное теней и высоких колонн, где с шипением остановился.

– Вот, – сказала женщина, открывая глаза.

Она свернула тонкое одеяло и протянула его Патрис:

– Это для ребенка вашей сестры.

Женщина проскользнула в проход.

– Спасибо! – крикнула вдогонку Патрис, но женщина не обернулась.

Патрис на мгновение прижала одеяло к лицу. У него не было запаха – оно даже не пахло пряжей. Нет, подождите, там что-то было. Какой-то едва уловимый запах печали. «Эта женщина потеряла ребенка», – догадалась Патрис. Но одеяло показалось ей гарантией того, что она найдет Веру и ее малыша. Она сняла свой самодельный чемодан с полки над сиденьем и засунула в него детское одеяло. «Доброе предзнаменование», – подумала она. Затем Патрис последовала за другими пассажирами по проходу.

Она спустилась на платформу и последовала за указателем к главной билетной кассе и зоне ожидания. Там были сиденья, похожие на церковные скамьи, но с подлокотниками, отделяющими одно место от другого. Дерево было твердым, прогретым и потертым там, где успело поерзать не одно поколение людей. Она присела тоже. Затем она вспомнила о помаде и обновила ее, глядя в маленькое зеркальце. Люди поднимали на нее глаза, как обычно бывает, когда женщина красит губы на публике. Иногда Патрис делала это просто на всякий случай, желая проверить, что творится у нее за спиной, или чувствуя какую-либо угрозу. На этот раз она посмотрелась в зеркальце, просто чтобы собраться с духом. Это должно было случиться. Она не могла ничего предвидеть. Что будет дальше? Как она собиралась добраться от же-

лезнодорожного вокзала до нужного дома? Она думала, что сможет дойти до места пешком. Мили для нее ничего не значили. Но теперь она достаточно хорошо видела размеры этого города, чтобы понять: несколькими милями дело не обойдется. Вокруг нее тянулись улица за улицей, до смешного похожие одна на другую. Ей требовался совет. Может быть, одна из женщин в билетной кассе? Она убрала помаду и подошла к окошку.

– Возьмите такси, дорогая. Просто подождите снаружи на одной из вон тех скамеек.

Такси, конечно же! Как в журнальных рассказах. Патрис прошла через высокие красивые двери, отделанные латунью, и села на скамейку у края тротуара. Подъехала машина. Она показала адрес водителю и спросила, сколько будет стоить поездка.

– Нисколько, – сказал водитель. – Мне все равно надо ехать в ту сторону.

– Нет, – возразила она. – Я все-таки сколько-нибудь заплачу.

– Посмотрим. Специальная цена для хорошенькой леди. Она открыла дверь, чтобы сесть на заднее сиденье.

– Почему бы тебе не сесть впереди? – предложил водитель.

– Нет, спасибо, – смутилась она. Она хорошо помнила: в журнальном рассказе говорилось, что садиться нужно на заднее сиденье. Ее не одурачишь. Мужчина вышел из ма-

шины и положил ее чемодан на заднее сиденье. Потом он открыл для нее пассажирскую дверцу и усадил в машину. Все произошло за считанные секунды. Это был широкоплечий веснушчатый мужчина с каштановыми волосами и веснушчатыми руками. В мятом и мешковатом костюме. И он, казалось, торопился. Она села на переднее сиденье. От шофера исходил такой же резкий запах, как от Барнса, но в то же время слегка иной, как будто он уже выпил. Она пожалела, что не взяла другое такси. И ее немного удивило, что мужчина был в костюме и галстук. Он ни на минуту не прекращал говорить и энергично вел машину, размахивая руками и обливаясь потом, хотя день был прохладный.

– Откуда ты родом? Никогда не слышал о таком месте. Как выглядит подруга? Во что та была одета, когда ты видела ее в последний раз? Говоришь, у нее есть ребенок, да? Так откуда ты родом? Никогда не слышал. Здесь есть чем заняться. Тебе понравится. Нужна работа? Работа есть. Я могу найти тебе работу прямо сейчас. Для этого надо знать нужных людей. Я знаю нужных людей. Таксист? Нет, я не таксист. Я вожу людей, но я не таксист. Вот, приехали. Я должен остановиться здесь и повидаться с одним парнем. Ты пойдешь со мной. Присядь и расслабься. Нет? Что ж, я не принимаю «нет» в качестве ответа. Ну же. Я тебя провожу.

Они остановились в зоне, где было написано, что парковка запрещена в любое время.

– Я Эрл. Прозвище Веснушчатый. А эта штука висит для

других людей, – сказал он, когда она указала на дорожный знак.

Он вышел, обогнул машину, открыл дверцу со стороны Патрис и попытался уговорить ее выйти. Над входной дверью висели неосвещенные неоновые буквы. «Лесной затор 26». Это место показалось Патрис похожим на бар.

– Мне очень жаль, – произнесла она, понимая, что совершила ошибку. – Но я не хожу в бары.

– Я тоже! Это не бар. Нет, это магазин фотоаппаратов.

Патрис повернулась, наклонилась над задним сиденьем, взяла чемодан и встала рядом с машиной, держа его в руках.

– А теперь я ухожу. Сколько я вам должна?

– Ты мне ничего не должна.

Он приобнял ее одной рукой и попытался подтолкнуть вперед. У него ничего бы не получилось, если бы внезапно не появился другой мужчина, тощий, с черным вихром на голове. Они вдвоем взяли ее за локти, когда она прижала чемодан к груди, и вместе повели через тротуар к двери. Войдя, она увидела грязный вестибюль с красным ковровым покрытием. За ним открывалось тускло освещенное пространство, заставленное столами и стульями. Вокруг слышалось ленивое бормотание.

– Где фотоаппараты?! – вскричала Патрис.

В центре клуба стоял освещенный резервуар с водой. Огромный и искрящийся, он отбрасывал неестественные зеленоватые блики на окружающие столы. Все это про-

мелькнуло мимо, когда запаниковавшую Патрис молниеносно протащили через главный этаж, где, как она вскользь подумала, ей лучше было остаться. Блестнула зеркальная стена, отражающая бутылки со спиртным. Потом ее уволокли в темный коридор, похожий на ловушку. И как ей удалось так быстро найти сомнительных личностей?

Патрис упрямо рухнула на пол. Мужчины попытались поднять ее, но она вдруг стала очень тяжелой. Лесистая Гора не объяснил ей, как вести себя с подонками, просто упомянул, что она должна их найти. Она заставила себя всем весом прикинуться к полу.

– Отпустите меня! – завопила Патрис.

Этим криком она что-то в себе пробудила. Какую-то неведомую силу. Как бешеная, она набросилась на мужчину с холком и замахнулась на него чемоданом. Он что-то затевал против нее. Тот, крякнув, наклонился, уходя от удара. Мужчина, выпивавший в баре, соскользнул с высокого стула и решительно направился к месту происшествия. На нем были серый пиджак и серый галстук. Его лицо было худым, пожелтевшим, затуманенные болезнью глаза блестели из-под серой фетровой шляпы, которую он не снял даже для того, чтобы выпить виски. Брюки болтались на тощих ногах.

– Что с ней не так?

– Она больная.

– Вовсе нет! Они пытаются меня похитить!

– Это правда, Эрл? Она кажется милой девушкой. Зачем

вам это понадобилось?

– Пытаемся дать ей работу!

– Ну, что ж, пускай она присядет, выпьет, как в обычном баре. Обсуди с ней это. Нечего волочить ее насильно. Что с вами случилось?

– Именно так мы заполучили Бэби в прошлый раз.

– Вы просто приволокли сюда Хильду? Вы, ребята, обезьяны.

Веснушчатый отпустил руки Патрис, слегка проведя по ним, словно просил прощения. Или пытался загладить свое поведение.

– Это не лезет ни в какие ворота, вот так притащить ее сюда, – проговорил худой, а потом кивнул Патрис: – Мне очень жаль, мисс.

– Не думаю, чтобы она пришла бы сюда по своей воле, – виноватым голосом произнес Веснушчатый. – Это не слишком чистое место.

– Это чистое место, – возразил мужчина в сером костюме.

– Ну, как скажешь. Но нам нужен кто-то сегодня вечером. И посмотри на эту девушку. Разве она не похожа на водяного быка?

– И размер как у Бэби, – добавил смуглый мужчина. – Сгодится старый костюм.

– Это как раз то, о чем я подумал.

– Этого, пожалуй, достаточно, – вмешалась Патрис.

Она шагнула вперед, пытаясь собраться с мыслями

и скрыть дрожь, и снова обнаружила, что собственные действия укрепили ее смелость. Она оттолкнула руки мужчин и громко заговорила:

– Я здесь ищу сестру. Я должна вернуться домой через неделю. Вот он мне сказал, что это магазин фотоаппаратов. Я не хожу в бары. Мне не нравятся мужчины, которые ходят в бары. Мне нужен конкретный адрес. Я должна найти сестру. Она в беде.

– Она тоже индианка? – спросил тощий человечек.

– Господи! Средний коэффициент умственного развития здесь составляет около тридцати, – вздохнул мужчина в красивой шляпе. – Конечно, индианка, Динки, она же ее сестра.

– Ну, я не знал, – извинился Динки.

– Магазин фотоаппаратов?

Желтушный приподнял поля своей шляпы. Веснушчатый пожал плечами.

– Я Джек Мэллой, – представился тот, кто был в шляпе, и протянул руку.

Патрис коснулась ее. Рука была холодной и сухой. Патрис вздрогнула и присмотрелась к нему повнимательнее. Он определенно был болен. Или как там говорится? Холодные руки, горячее сердце. Вера так бы и сказала.

– Проходите. Садитесь. Выпейте чего-нибудь.

– Я не пью. Мне нужно на Блумингтон-авеню.

– Какого черта тебе там понадобилось? – спросил Динки. – Там же одни индейцы.

– Ты только что побил рекорд сообразительности чучела, – рассердился Джек. – Убирайся отсюда. У нас есть прекрасная индейская принцесса, которой мы пытаемся дать работу, а ты продолжаешь ее оскорблять. Послушайте, мисс, вы можете выпить содовой. Билли, который сейчас на кухне, приготовит вам гамбургер. За счет заведения. Все, что вам нужно сделать, – это выслушать описание работы.

– Вы индейская леди, верно? – обратился он к Патрис. – Я спросил, потому что вы капельку светловаты, но...

– От отца.

– Ага. Дочь вождя?

Вождь Огненная Вода, подумала Патрис. Она оглядела помещение. В нем были маленькие окна, похожие на иллюминаторы, и несколько столиков под ними. Она была голодна.

– Если мы сможем сесть рядом с дверью под одним из этих круглых окон, я буду слушать, – сказала она. – И я хочу ваш гамбургер.

– Безусловно. После вас, – отозвался Джек, взмахнув рукой.

Она подошла к столу у окна и села на маленький черный стул. Стол был выкрашен в темно-фиолетовый цвет, а поверхность была липкой. Она поставила чемодан на стул рядом с собой. Джек сел напротив с бокалом в руке.

– Ваш дорожный чемодан очарователен, – похвалил он. – Выглядит так по-деревенски.

Он сделал знак бармену.

– Сейчас принесут прохладительные напитки, – продолжил он. – А еще примите мои извинения. Они не ведают, что творят.

– А я думаю, они все-таки ведают, – возразила Патрис.

– Ну, не полностью, – примирительно произнес Джек.

Бармен принес апельсиновую содовую, холодную как лед, и поставил ее рядом со стаканом льда.

– Собственно, вот в чем дело. – Джек наклонился к собеседнице: – Видите ли, это место сменило владельцев в прошлом году. Раньше здесь главенствовала подводная тема. Дворец Русалок. Много ракушек и рыбы. В аквариуме работала обученная русалка.

– Обученная русалка?

– Да. И у нее был блестящий хвост. Парень, который купил это место, У. У. Панк, заработал деньги на древесине, поэтому в качестве дани лесной промышленности он выбрал тему лесозаготовок. Поэтому «Лесной затор». Ну, а двадцать шесть – это просто число. В напитках и тому подобном основная тема – Пол Баньян⁵¹. В меню. Мы все еще вносим изменения в декор. И, конечно же, аквариум, которым славится это место. Вы слышали о Бэби?

– Нет.

⁵¹ Пол Баньян – вымышленный гигантский дровосек, персонаж американского фольклора. Самое раннее напечатанное произведение о Баньяне, которое сейчас известно, создано Джеймсом Макгиливреем в 1910 году (по другим сведениям, в 1906-м).

– Это синий бык Пола. Таскает для него бревна. Его закадычный друг. Вот что это за наряд. Бэби.

– Наряд для чего?

– Вместо наряда русалки. Наряд быка. Хильда надевала его, показывала подводные трюки. Бычьи фокусы. Людям это нравится, они проезжают много миль, чтобы сюда попасть, собираются со всего города и из-за его пределов. Они любят, когда им показывают подобное. Я сам удивлен, что у Бэби столько поклонников, но так оно и есть. И я сгораю от стыда. Я даже не спросил, как вас зовут.

– Дорис, – ответила Патрис.

– Дорис, а дальше?

Патрис на мгновение замешкалась.

– Дорис Барнс, – пробормотала она.

– У вас есть индейское имя? О нем можно спрашивать?

Или, может быть, это секрет?

– Секрет, – сказала Патрис.

– Так и должно быть. Однако я мог бы назвать вас... скажем... Принцесса Водопад.

– Нет, не годится.

– Ну, что, Дорис, работа вас заинтересовала?

– Плавать в костюме быка? Нет, спасибо.

– Вы даже не спросили о зарплате.

– Зарплата меня не волнует.

– Пятьдесят долларов за вечер. Плюс раз в два дня чаевые.

Патрис молчала. Считая чаевые, которые она не могла

оценить, сумма получалась больше, чем она зарабатывала на заводе за неделю. И это за один только вечер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.